

www.андрейвознесенский.ru

www.девушкаспирсингом.ru
СТИХИ И ЧАТЫ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

**андрей
вознесенский**

андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

www.девушка с пирсингом.ru
СТИХИ И ЧАТЫ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Москва «ТЕРРА» 2000

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
В64

Оформление художника
Ф. Барбышева

В оформлении участвовали
М. Крихели, А. Каратаев

Графические композиции и рисунки автора

Вознесенский А.

В64 www. Девочка с пирсингом. ru: Стихи и чаты
третьего тысячелетия. — М.: ТЕРРА, 2000. —
336 с.: ил.

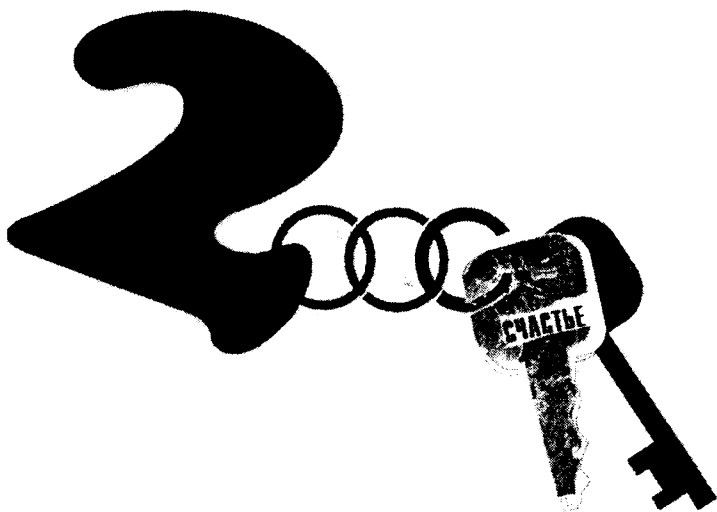
ISBN 5-273-00163-3

Имя Андрея Вознесенского стало популярным в нашей стране сразу же, немедленно после выхода в свет владимирской «Мозаики» (1960) — в Москве книгу печатать не разрешили, несмотря на начавшуюся «оттепель». Каждая следующая книга поэта становилась событием: вызывала скандал («Парабола»), шок («Треугольная груша»), удивление («Антимиры»), восторг («Ахиллесово сердце»). Новой книге «Девочка с пирсингом» сам поэт дал подзаголовок «Стихи и чаты третьего тысячелетия». Кроме стихов последнего времени в сборник также вошли графические композиции, коллажи и рисунки автора — Андрей Андреевич окончил Архитектурный институт и много времени уделял живописи.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-273-00163-3

© А. Вознесенский, 2000
© Издательство «ТЕРРА», 2000

МИЛОСЕРДИЯ!

I LOVE YOU

*«I love you» — вся общественность взъярилась.
Я — вирус!
Но я видал общественность в гробу —
«Я вас люблю».*

*Люблю с зубцами ласточкины стены.
И платья твоего арбузный вырез.
Я вирус, разъедающий Системы,
я — вирус.*

*Мое письмо по электронной почте
получишь. И семь раз переписав,
улучшишь почерк, и избежешь порчи,
и вирус перешлешь по адресам.*

*Я вас люблю, великие ублюдки,
www.ru, заложники вранья!
Как любит инвалид свои обрубки,
как любит полночь вирус соловья.*

*...«Я вас люблю». Так плачет над Манежной
комарик, малярный херувим:
«Я вас люблю так искренне, так нежно,
как, не дай Бог, любимой быть другим».*

ТЕРЯЮ ГОЛОС

1

Голос теряю. Теперь не про нас
Гостелерадио.
Врач мой испуган. Ликует Парнас —
голос теряю.

Люди не слышат заветнейших строк,
просят, садисты!
Голос, как вор на заслуженный срок,
садится.

В праве на голос отказано мне.
Бьют по колесам,
чтоб хоть один в голосистой стране
был безголосым.

Воет стыдоба. Взрывается кейс.
Я — телеящик
с хором из критиков и критикесс,
слух потерявших.

Веру наивную не верну.
Жизнь раскололась.

Ржет вся страна, потеряв всю страну.
Я ж — только голос...

Разве вернуть с мировых сквозняков
холодом арники
голос, украденный тьмой Лужников
и холлом Карнеги?!

Мной терапевтов замучена рать.
Жру карамели.
Вам повезло. Вам не страшно терять.
Вы не имели.

В Бюро находок длится дележ
острых сокровищ.
Где ты потерянное найдешь?
Там же, где совесть.

Для миллионов я стал тишиной
материальной.
Я свою душу — единственный мой
голос теряю.

2

Все мы простуженные теперь.
Сбивши портьеры,
свищет в мозгах наших ветер потерь!
Время потери.

Хватит, товарищ, нить, идиот!
Вытащи кодак.
Ты потеряешь — кто-то найдет.
Время находок.

Где кандидат потерял голоса?
В компре кассеты?..
Жизнь моя — белая
еще не выпущенной

Го , · горе!
Р you,
м м
ос те ю!

3

...Ради Тебя, ради в темном ряду
белого платья
руки безмолвные разведу
жестом распятыя.

И остроумный новоосел —
кейс из винила —
скажет: «Артист! Сам руками развел.
Мол, извинился».

Не для его музыкальных частот,
не на весь глобус,
новый мой голос беззвучно поет —
внутренний голос.

Жест бессловесный, безмолвный мой крик
слышат не уши.
У кого есть они — напрямик
слушают души.

НЕМАЯ

К машине подошла немая,
где поворот на монастырь.
Не денег — время было мало.
И я стекло не опустил.

Немая что-то понимала
и усмехнулась в беспредел.
И что-то в жизни поменяла.
Теперь, когда я онемел,

я столько раз припоминаю,
как мне — и жалостно, и зло —
жестикულიрует немая
сквозь безразличное стекло.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Я вернулся,
я вернулся в себя, я вернулся в тебя. Я вернулся.

Бороню
баттерфляем кишки и систему твою кровяную.

Как ты там без меня,
мое море, гуляло на шару?
Чьи во тьме имена
ты, отплевываясь, шептало?

Повернется волна —
бык с Европою в позе модерна.
Жизнь тесна,
а любовь безразмерна.

Я к Парижу
ревновал и к листве октября.
Ненавижу
твое платье за то, что оно обнимает Тебя.

Ливануло. Но я
только глубже ныряю.
Лучше снова с нуля,
чем опять конура с двумя общественными нулями.

Под волну поднырну
без спасательного жилета.
Я вернусь на волну
уже третьего тысячелетия.

МОЁ ВРЕМЯ

Пришло моё время. Пускай запоздав.
Вся жизнь — только тренинг
пред высшим мгновеньем.

Отходит состав.

Пришло моё время.

Оно, моё время, взяв секундомер,
стоит на пороге.
А кто испугался, душой оскудел —
пусть делает ноги!

Сердца миллионов колотятся в такт
моим бумаженциям.
Со мной — не абстракт! —
на Владимирский тракт
пришла моя женщина.

Мы — нищие брюхом. Как все погоря,
живу не в Эдеме.
Но Хлебников нынче — ясней букваря.
Пришло моё время.

Да здравствует время, с которым борясь,
мы стали, как кремний!
Кругом вероломное время сейчас.
Но каждый в себе *свое* время припас.
Внутри — *моё* время.

Меня, как исчезнувшую стрекозу,
изучат по Брэму.
Ну, что на прощанье тебе я скажу?
Пришло *моё* время.

САМОКАТЫ

В охру женщину макайте,
красьте ею луг Винсента!
Вон она — на самокате
мчит, похожа на проценты.

Маленькие камикадзе
между трейлеров с прицепом
проскользнут на самокате —
на колесиках процентов.

Вслед, отталкиваясь пяткой,
спятивший Мафусаил,
как лакеи на запятках,
на работу укатил.

Мчатся (вряд ли на работу)
члены русского Пен-центра
на свободу! на свободу!
на колесиках процентов.

Пузо, груженное бюстом,
самокатик, уноси,

как несут кочан капусты
электронные весы.

И не рассчитав удара,
толстомордик из качков
проскользит по тротуару
на колесиках очков.

От Малаховки до Мальты
роликам грозит закат.
Поколение асфальта
выбирает самокат.

Мир пузырится, как тоник.
Ты паришь, как на катке,
одноногий аистенок,
стоя на прямой ноге.

Значит, не было ошибкой
наше детство нестерильное —
из доски и двух подшипников
мы идею мастерили.

Это кайф беспрецедентный,
знают взрослые и дети —
на колесиках процентов
пролететь через столетья.

— Куда мчишься, самокат?
— В Самарканд!

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Наши трапезы — сладострастные.
Кулинарочка ты потрясная!

Ты вбежишь, только скажешь: «Здрасьте!», —
умираю от сладострастья.

Воздух утром дрожит над пряслами
целомудренным сладострастьем.
Полосатый арбуз матрасный
скоро лопнет от сладострастья.
И березки дрожат за трассою —
адидасное сладострастье.

Отдавайтесь до обладания.
Заплывайте в любовь не в ластах!
Сладострастие сострадания.
Сострадание сладострастья.

Ты написана белым фломастером,
пахнешь сном и зубною пастой.

Твоя пятка — туз пятой масти.
Можно спятить от сладострастья!

Как я в жизни пролоботрясничал,
выяснял отношения с властью...
От невзгод наших спрячусь страусом
в твое белое сладострастье.

* * *

Беззвучный цвет — весь состоит из звука,
в нем слышится небесная разлука.
От этих мук Ван Гог отрезал ухо.

Пустынный дом наполнен голосами.
Они поют и пахнут круассаном.
Прислушайтесь — кайф колоссальный!

Как медленно ползет стрела из лука!
Скучна мне скорость света или звука.
Лишь скорость мысли — сказочная штука!

Казука молча фору даст базукам.
Не без харизмы распевает шука.
И я, безукоризненная сука,
бужу тебя любовью, а не звуком.

* * *

Я тебя очень... Мы фразу не кончим.
Губы наощупь. Ты меня очень...

Точно замочки, дырочки в мочках.
Сердца комочек чмокает очень.

Чмо нас замочит. Город нам — отчим.
Но ты меня очень, и я тебя очень...

Лето ли осень, все фразу не кончим:
«Я тебя очень...»

ПЕРЕХОД НА ПУШКИНСКОЙ

В переходе на Пушкинской
была пирсинга лавочка.
Твои щеки припухшие
украшали мы давеча

модным вздором серебряным...
Лохов девушки клеили.
И дрожали целебные
два колечка над лейблами.

Все казалось игрушечным.
Милицейский — без пушечки.
Вдруг со взором опущенным
ты выходишь на Пушкинской?..

Времена переходные...
Вместо лавочки с обувью
корчатся пешеходы
с вывороченными утробами.

У девчонки подобранной
шоком сдвинута психика,

и на ухе оторванном
три заветные пирсинга.

Будьте прокляты, рожи
фотороботов-призраков!
Спаси, Господи Боже,
мою девочку с пирсингом!

НЕТ ВРЕМЕНИ

Нет времени читать статьи глупцов,
набрать грибов ни в Бологом, ни в Бремене
нет времени. И даже на любовь
нет времени.

Нет времени ладони завести
за голову в оцепенении.
Едва подаришь девушке цветы —
уже беременна.

Нет времени увидеть хвост событ —
и я иного измерения.
Нет времени Тебя забыть
хоть временно!

Проносимся вне скоростей,
вне прений —
и абсолютно не бывает времени
узнать, что спела птичка коростель.

Такая безвременщина идет,
черная месса!

**Ремнями пристегнуться, идиот,
ты не нашел ни времени, ни места.**

**Время — душа пространства. Не спеша
хоть это уясни без озверения.
Места остались. Но душа ушла!**

НЕТ ВРЕМЕНИ.

БЛИННЫЙ ЧАТ

1

Соборов праздничный «кремплин» —
Кремль, блин!..

2

— Что с вами, товарищ Саблин?!
— Оса, блин...

3

Гляжу с Воробьевых, где трамплин:
храм, блин!..
А там — блин...

4

Доклад:
«Город Пуэбло и народ пуэблин»:
— Проблем, блин...

5

«...успех ансамблин...»

— А сам, блин?!

6

Блиндаж.

— Блин, дашь?

7

Гимн Глинки уважаю, блин,
за то, что трудно исполним.

8

Сублимация на пределе.

Мочусь, блин, максимум раз в неделю.

9

Глядь! В небе — журавлиный клин.

— Возьми меня с собою, блин!..

10

Мозги ослабленного накала.

Осла, блин, еще не хватало!

11

Кораблекрушение...

Круто, блин. Но душевно.

27

12

Есть, блин, кадры,
но нет «грин-карты».

13

К ноге приставим карабин.
Скорбим, блин.

14

В «Шабли» насыпали клофелин.
Кайф, блин!

15

БЮЛЛЕТЕНЬ:
Первый, блин, в коме.
Новый Первый, блин, в обкоме.
На лицах, блин, тень.

16

— А кто съел яблоки с райских яблонь?!

— Я, блин...

* * *

Коровам снится синтетичный силос.
По-христиански обращаюсь к Вам:
«Какое счастье, что Вы мне приснились!
Дерьмо — к деньгам».

* * *

Белеют под стволами черными
поземки зимние приметы —
как отрастающие корни
у крашенного брюнета.

ОТКРЫТИЕ ЧЕРНОГО КВАДРАТА

Я открыл черный квадрат.
Квадрат сейфа чернеет на стене.
Я назвал код.
Квадрат открылся.
Я спустился в чертов квадрат.

Ты осталась снаружи, держа веревку,
чтобы страховать меня.

Что за?

Что за шторкой фотоаппарата?

Кто снимает наш компромат через зеркало?

Что за?

Что за плитой постамента? Памятник Че?

Памятник Чехову? «Чаровница» кватраченто?

Что за?

Запонки из агата?

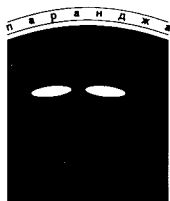
Кровать черного дерева для членов политбюро?

Держи, милая, не отпускай!

Что стоит за понятием «К. Малевич»?

ЧК?

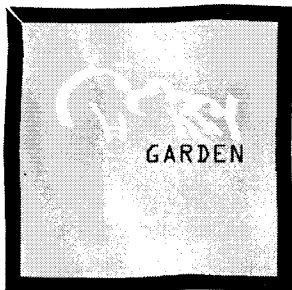
Чек?
Чекрыгин?
ТЧК?
Чадра? «Cherry Garden»?
Тиски Чекатилло?
Что с хаосом?
Штокгаузен?

Два тысячелетия имели двумерное сознание,
третье тысячелетие имеет трехмерное — что за?

Держись, милая, за веревку, только не отпускай!

что за что за что за
что за что за что за
что за что за что за
что за что за что за
что за что за что за
что за что за что за что?

Крышка захлопнулась.

За что?!

Век захлопнулся.
Меня затягивает бесформенная черная масса.
Батарейки моего телефона на четверть часа.
Я барабаню изнутри в крышку,
как в люк подлодки.

Как ты там?!
Забудь код!..

Что за?

ПОМИНКИ ПО СЪЕДЕННОМУ

**Гонимы
голодные писательские массы.
Неужто дефицит конины
привел к отсутствию Пегаса?..**

*** * ***

**Мы сбрендили?!
Загадкой плоского лица
наш Сфинкс похож на генерала Лебеда.
Таит непроницаемость Творца.**

МОЛИТВА О «КУРСКЕ»

Мертвецы стучат — живые! —
по железному нутру.
Офицеры, рядовые
бьются, как стенокардия,
помнят мать, жену, сестру...
Времена глухонемые.
Господи, уйми стихию!
Дай надежду, хоть искру...

— Куда держишь курс, Россия?
— www.«Курск».ru.

ТРАУР

«Смирно!» Души на смотру.
Над страной — черный прапор.
Боже правый, моя ru!..
Траур.

Страшный трафик накатил.
Вдовам не помогут травы.
Всюду черный негатив —
траур.

Фестивальные кентавры,
жрите черную икру!
По матросу Игорьку —
траур.

Кто ответственные лица?
Люди чести, флотских аур?
Ни один не застрелился.
Траур.

С утра слышу до утра:
«Утраурау...» Рядом травят.
По живым еще вчера —
по себе мы носим траур.

НТВ и Си-би-эс
задрожат как сети траулера.
Траур носим по себе.
По надежде носим траур.

Вечный траур по Геннадию:
жизнью, из последних сил,
может нас с тобою ради,
он реактор заглушил.

Моряками среди мора
остаются моряки.
И на Баренцево море
лягут тяжкие венки.

Женщина в косынке бьется,
видя как плывет венки.
Был старлейтом или боцманом?
«Кто, сынок, тебя вернет?»

На мгновенье над странюю
оглянется, негрешна,
называема душою
траурная тишина.

УТРЕННИК

С утра морозно. У причала
клубится розовый парок.
Как будто бы река дышала,
дыханьем пальцы согревала.
Как побелевшее паяло,
все не отгаивал паром.
Оттаяв, покраснел потом...

И возвратит щеке румяна
твой низкий пар наискосок —
когда, дыханием туманна,
нагнешься завязать шнурок.

Живи последними деньками!
С собою не захватишь впрок
той речки краткое дыханье
и речи ласковый упрек...

ЧАСЫ

**Ты — замыкание короткое.
И на руке — глаза болят! —
как крохотная сковородка,
сияет черный циферблат.**

**И я не понимаю Время,
свои часы тебе даря.
В твоей пульсирующей вене
открылась черная дыра.**

МИЛОСЕРДИЯ!

Ложным кайфом дырявим вены.
Не досмотрим мы мыльной серии.
Дай нам, Господи, хоть мгновение
неотложного милосердия!

После Пушкинской, после «Курска»
перст горящий встает в Останкино.
Дай земным моим однокурсникам
хоть надежду, что жизнь останется.

Дай растерянной Маросейке,
пацану в институте Сербского,
моим милым — и в мерседесе
и в метро пошли милосердия!

Поколения неминуемо
к свету выведут Моисеи.
Но сегодня, сию минуту
не выдерживает предсердие.

В небе нашем приклеен коршун.
Я на краткость судьбы не сетую.

Мы соседям башку раскрошим
ради мира и милосердия.

Мы, гражданские и военные,
небеса задымили серою.
Не даем Тебе ни мгновения,
Тебе, Господи, милосердия.

ДУРМАН

Мэри Райхерт

Мне часто снится в заморской хмари
ультрамариновый, желто-духмяный
цветок российский — «Иван-да-Марья»,
что по-английски «марихуана».

Дымок отеческий сладок до гари.
Не только дурно живем — дурманно.
Марихуана почти легальна.
МАРХИ пропахнул марихуаной.

Американочка, как романы?
Деревня русская — не светский раут.
Здесь «до востребования» на Хуана
тебя посылочкой отсылают.

Чай, обкурилась в своем Сиэтле?
Сухая, тощая, как конский щавель.
Учись, сестреночка милосердная,
как самогон заедают щами.

Ты шизанутая, что ли, Мэри?
Но не о том ли поют косцы,
что жизнь занудна, что дурь безмерна?
Но губы — желтые от пылицы.

Не майся дурью. Сунь в ухо розан.
Привет древлянам или курянам!
Душа, привязана к двум березам,
вой, раздираема над океаном!

Ты грязь распадную месишь кедами.
В райцентр дороженька — райхеровая.
Не обучали в Филипс Акэдеми
под Эзра Паунда доить корову.

Ну хочешь, печку тебе раздую?
Мы — дети дури. После падучей
в нас затаилась за занавескою
дурь гениальная Достоевского.

Ты станешь фермершей на Белгородщине.
Колхозный сход шевелит умами.
Рыдает в храмике Богородица.
И степь, как будущее, туманна.

Ты сруб купила и спрей комарий.
Махрютка дышит. Благоуханно.
Цветут, обнявшись, Хуан-да-Марья.
«Дурь» по-английски «марихуана».

АВИАУШАНКА

Просвистит беспечно
городской тушканчик.
Мне летит навстречу
девушка в ушанке.

Уши нараспашку.
Душу искушая,
ты мне с неба машешь
крылами-ушами.

Вслед летят поддатые
из окон и шкапов —
только выпадают
на лету из шапок.

Расшибуются всмятку,
как герои Чапека.
В небе кружат шатко,
как вороны, шапки.

Я в тебя поверил.
Ты в моем затылке
крутишь, как пропеллер,
штопором бутылки.

Тетка в полушалке,
потерявши мужа
(что элементарно),
телочку в ушанке
спросит: «Почему же
я, вот, не летаю?!»

Говорит ушаночка:
«Если Вы лентяйки,
очень мало шансов,
чтобы Вы летали!
Набирайтесь опыта,
если к службе падки,
полетать попробуйте
на завязках папки!»

Кожаные уши
малоразличимы —
черные, как суши
с мягкой начинкой.

А зачем под шапкой
формочка литая?
Чтоб удобней шастать,
в форточку влетая.

Вывез из Италии
шапку итальянец.
Но чтобы летала,
нужен твой талант —

нараспашку вечная,
весны предвкушая,
авиадиспетчер,
девушка в ушанке!

ЭСАМБАЕВЫ

Ушел Великий чеченец.
Остался продлить дела
земной его порученец —
племянник — врач Абдулла.

Он пользуется в Подмоскovie
со всей России народ.
Он пользуется любовью.
Он денег с них не берет.

Врач экстрасенсорен, молод.
Свинину не чтут уста,
но бабки в церковке молят
за Абдуллу Христа.

Когда Махмуд Эсамбаев
плясал, эротичней пантер,
клипсы, как замки с амбаров,
в восторге терял партер.

Как шторм бескорыстных баллов,
пронесся король папах...

Людскую юдоль убавив,
теперь другой Эсамбаев
мальцу выправляет пах.

Каракульча Махмуда?
Капризный изгиб плеча?
Нас всех исцеляет чудо
танцора или врача.

Откуда же в сердце трепет,
как будто Божья рука
каракулевый пепел
не стряхивает с мундштука?..

В чем предназначенье нации?
Чтобы сжечь у соседа дом?
Сажать заложников на цепь?
Иль чтобы помочь в ненастье
и душу лечить добром?..

Мы все — пациенты бездны.
Ужель среди враждебной мглы
человеческий след исчезнет
Махмуда и Абдуллы?

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Как материя опустела!
И душа, называемая пост-тело,
мармеладным морем, верней, пост-сушей,
устремится в край, где живут пост-души.

Мы живем пост-жизнью. Пост-смертью тоже.
Странный постриг актрисы смутил стандарты.
Неужели в прощающие пост-слезы
превращает нас только лишь пост-страданье?

Но ты — вся предчувствие. Что преступно.
Постоянно слева что-то постукивает.
Пусть апостолы чести, пост-проститутки,
осуждают ночные твои поступки.

И зачем подкрадывается к пост-постели
чувство грустной радости и потери?

Неужели мы только с тобой — постскрипtum?
Пост-Булгарин молится на пост-Пушкина.
Тишина, называемая пост-скрипкой,
отличается от пост-пушки.

Раздевайся, душа, в мировом предбаннике!
Пост-пар каплет с полок, словно пост-Поллак.
Постигайте тайну любви, пред-бабники,
компостирующие пост-телок!

Не в пред-рабство ль пятится пост-свобода?
Есть налево мост, есть направо мост.
Пришла пятница, суббота.
Наступил Великий Пост.

Колесуй мя, Господи, колесом смеха,
чтоб познать пост-слезы Твоего пост-эха!

ЛЕЧЕБНЫЙ ЧАТ

- Принимайте белладонну, принимайте!
- Применяйте теплый шарф при променаде.
Принимайте зуботычины и мантии.
- А лечебный душ с любимой? — Принимайте!
Принимайте жизнь и верьте, Бога ради,
что ваш доктор отдыхает в Тринидаде.
По утрам не примените растираться.
На прощание примите христианство.
И пока не наорались, понимайте,
что молчание скрипично, как Амати.

* * *

Как мы счастливы с тобой, мы счастливы!
Молоко нам несут мычащие.

И Христос, позабывши муку,
к нам по полю, смеясь навзрыд,
словно форвард, забивший штуку,
растопырив руки, бежит.

ТЕРРОРИСТ ДОБРОТЫ

Подобно антеннке сотовой,
поэзии стебелек
растет поперек горизонта,
общественности поперек.

Ты был агрессивен крайне
меж общества немоты.
Теперь меж всеобщей брани
ты — террорист доброты.

Одинокие твои муки
не ведал телеэкрэн.
Неверующие мухи
питались из твоих ран.

Под радостный вой округи
ты муки с крестом сверял,
где в горизонтальные руки
вонзался перпендикуляр.

ЭПИТАФИЯ

Надежда смолкла.
Москва пустела.
Неделю в морге
лежало тело.

Кинорефреном
спас век наш хренов —
мужик нетленный
Олег Ефремов.

СОН

**На захваченный монстрами остров
меня выбросил океан.
Я ползу. Переломан мой остов.
Я слабею от ран.**

**Мне на помощь с лопатой могильной
поспешает двуногий собрат.
Я Тебя по ракушке мобильной
не успею набрать.**

БОЛЕЗНЬ

Сколько взято барьеров
и провальных побед!
Все болеешь, болеешь,
И диагноза — нет.

Медицина бессильна
разобраться с тобой.
Внутренности взбесились.
Всюду адская боль.

Ты худеешь и чахнешь.
Тихий агнец, держись!
Этот страшный диагноз
называется — жизнь.

ЭКСПРОМТ

Ю. Полунину

Клоун, где парик мочальный?
Snow show — шоу снов.
Упоительно молчанье.
Ангел говорит без слов.

С интернетом не балуем:
унисекс — по-русски «унипол» —
униполуниполунипол — Полунин!
Полнолунье — лучший волейбол.

Не ищи нас, Интерпол.
Мы за клоуном ушли.
Самый лучший волейбол —
это волейбол души.

Меня речи радуют —
все! — до полоумия.
Но из всех ораторов
я люблю Полунина.

ΒΕΡΝΑ
ΕΜΦΥΡΑ ΖΩΜΕ

СТЕНА ПЛАЧА

1

Так же жили — подмывшись, намыкавшись.
Но божественноестряслось!
В старину не брили подмышки,
не стыдились нахлынувших слез.

Почему я неутомимо
прихожу заветной порой,
где над ярусным Иерусалимом
взмыл рассвет за Масличной горой?

Этот ветхозаветный камень,
старомоднее, чем Христос,
розовеющими пучками —
островками травы пророс.

И пока мы судьбу вымаливаем,
расцветают слезы громад —
между клумб вертикальных мальвы
ароматы свои струят.

Игнорировавши промышленность,
Стена Плача, смысл бытия,
нам, по-женски дымясь подмышками,
раскрывает объятия.

2

Комнатушка моя — не
отель «Плаза».
Проживаю теперь в стене —
Стене Плача.

Взявши шапку напрокат,
птичьим писком,
как кредитку в банкомат,
сюю записку.

Здесь не допекает гнус.
Слез не пряча,
лбом отчаянно уткнушь
в Стену Плача.

Это только для мужчин.
В отдаленье
опускаюсь в глубь причин
машинного отделенья.

Ливень. Дача. Пастернак.
Срам и слава.
Руки к небу простирай,
Ярославна!

Ты, распятая страна,
муза, прачка,
моя пятая стена —
Стена Плача.

Не страшна стена угроз,
стена смеха.
Неприступна стена слез,
крепость эха.
И твой хлюпающий нос
среди меха.

Нету крыши. Дефицит
пенопласта.
Нас с тобою защитит
Стена Плача.

3

Измерь мою жаркую жизнь перстами
наощупь, как гусеница-землемер.
Что я сумел — перед Тобой предстанет.
И что не успел.

Пока еще небо не стала мерить
креста измерительная щепоть —
наставь мое сердце прощать и верить,
Господь!

* * *

Мы с тобою прячемся от Времени,
здесь, у океана на краю
кривоногий, лживый, как сирены,
неземную песенку пою.

Так пою, как никогда не пелось!
Век к концу торопится, заметь,
высказать все то, что не успелось.
Что другому веку не суметь.

*** * ***

**солнце, черное и красное
нега, нега негативная
река, река кареглазая
снега, снега негасимые**

* * *

Давай от Краснопресненской
отправимся с тобой —
где старомодно пенится
и бреется прибор.

Купальная элита
привязана к доске,
как шнур электробритвы,
привязанный к ноге.

ОБУЧЕНИЕ НА ДОСКЕ

Катаются на матрасе,
на дельфинах, на лежаке,—
но самые немордастые
катаются на тоске!

Над бешеною пучиной
пенятся, влюблены,
как чашечки капучино,
кофейные пацаны.

Возьмите кусок тоски,
по эллипсу полируйте.
И тайскою политурой
массируйте позвонки.

Чтоб трепетная тоска,
не превратившись в рыбку,
напомнила форму скрипки
и дольки чеснока.

Привяжите ее к ноге
веревкой. Держите шорты.

И с Богом! Ни пуха! К черту
уноситесь на тоске!

Барахтайтесь в океане —
в дискет-компроматной Москве.
Но самые неприкаянные
катаются на тоске.

Держите влюбленных женщин!
Красивых и так себе:
Раскручивается джем-сейшен.
Импровизация на тоске.

Сакс. ЗАГС. Факс. Такса.
Надоевшему вопреки.
Москва. ДСК. Тоска. *Тачка!*
Ты выпрыгиваешь из такси.

Ты была подавальщицей в баре «Прага».
Соленые позвонки.
Кто из страха, а кто из праха —
а ты создана из тоски.

Тоска моя, мы над бездной
мотались — только держись!
География неизвестна.
Лишь время известно — жизнь.

Но однажды нас к небу поднял
и сбросил девятый вал,
когда я очнулся — понял,
что я тебя потерял.

Услышал из толщи водной —
на миг —
тоскующий и свободный,
твой оборванный крик.

Валяюсь, на берег жуткий
вытолкнутый тобой.
Но и на третьи сутки
тебя не вернул прибой.

Веревка кровавым жгутом
волочится за ногой...

Господи! Кто Твой включает таймер?
Ангелы? НЛО?
Ты — тайна.
Из тайны пришли. И уйдем в нее.

УЛЕТ

линза шарила по вазе
переплыли Лимпопо
ретро село на табу
азиатские безобр
чаю приложи к соску
дно остудит чай холо
«ти» любил Феорован
чай, по родине ску
НИИ бандформирова
комуфлирует сосо

куя характер победил Атос
учился чай прикладывать к соску

ДРЕВО БО

1

Босой, с тоской на горбу
земных свобод и табу,
приду к тебе, древо Бо,
где медитировал Бу.

Корни, как змей клубо,
плели и мою судьбу —
недосказанное Бо,
недопонятое Бу.

Ветки его раскидистые, как трубы теплоцентрали,
мешали табу и тубо.

«У» поднимало хобо.

Бу мычали: «Бо дай!»

Жабы дышали в жабо.

Под древние «буги-вуги»

выпархивали незабодки на Гоголевский бу

Болыжники играли в волейбо

Буди-гард проверял альков.

И тыщи зеленых часовенок
вонзались шпилями в небо.
Это были листья Бо.

Мы спрессованны в толпу,
будто спичек коробо
Недосказанное Бу.
Неопознанное Бо.

Как корзина баскетбо
окольцован шейх на лбу.
«Бабы — не создание Бо» --
как учил великий Бу.

В третий глаз гляжу — в пупо
как в подзорную трубу.
Недодуманное Бо.
Неразбуженное Бу.

Конь в пальто все ждет Годо.
Кар чернеет на дубу.
Неразгаданное Бо.
Недодуманное Бу.

Нам философ из сельпо
все буробит про борьбу.
Я люблю твою губу
с песенкою «Се си бо».

Англосакс сказал: «рейнбо».
Шантеклер сказал: «Рембо».

А скинхед поправил: «Рэмбо»
и подал свое ребро.
На дворе Армагедо
Люди смотрят бельмонду.
Под невозмутимым Бо
медитирующий Бу.

Мы рассыпаны, как спички,
возлежим под деревом Бо.
А рассеянное небо
обленилось нас поднять.

Женщина, роняя шпильки,
возлежит трезва, как Спилберг.
Она нам не возражает.
Просто родила Бу.

2

Сидели четыре Бу.
Но главное было «Будто».

Погода тиха — будто пагода.
Бесконечность — будто бурунду

И все будто пело и плакало,
как музыкальный сундук.

Нам будущим было «Будто»,
вчера и сегодня — Бу.
Мы даже живем как будто,
но это театр Кибу.

Уличные бутоны
задумались об оргазме.
И слон в ушах, как в буденовке,
мечтал о противогазе.

Ты будто меня не забудешь,
когда не будет меня.

И листья, что вниз глядели,
чтобы вонзаться в небо,
имели, как виолончели;
в задничках острие...

Я опять за свое.

Бабка в деревне нашей,
нас вынеся на горбу,
будто царевна спящая
в целлофановом спит гробу...

3

Две тыщи триста лет
познание сквозь нас росло.
Монах нас ведет — скинхед,
сияющий, будто дупло.

Народы, сняв свои тапочки,
поняв, что спилить слабо —
желаний цветные тряпочки
вешают вокруг Бо.

Сакс сказал: «Тгее Во».
Баян поправил: «Стрибо».
Скинхед послал на три бу
и вывесил свои атрибу.

Меж них свой шейный платок
я вывешу, как мольбу.
И в небе каждый листок:
«Мама! — кричит, — бо-бо!»

www.салют.ru

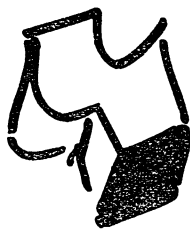
ЧАТ

ПЕРВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

— РУСЬ, КУДА НЕСЕШЬСЯ ТЫ?

ДАЙ ОТВЕТ

— В INTERNET!

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я вышел в сайт. Он резонанс собора
напоминал. Он полосат. Плыву.
Я вышел в чат. За зубьями забора
заговорили вирусы «love you».

Я вышел в чат. Он был куда реальней,
чем зоосад наш или же Мосад.
Плыл Моцарт вверх ногами на рояле —
мой сайт.

Я вышел в сайт. Пельмени, как Сатурны,
лица касаясь, в невесомости висят.
Надежда, что казалась авантюрна, —
мой сайт.

Я вновь благодарю Тебя, Всевышний,
что в сатанинский рай, точнее, в ад —
мне стало душно в комнате — я вышел
в Твой сайт.

А если вас, ушибленных, досадит
вниз головой фасад,

не приходите поиграть в наш сайтик —
в мой сайт.

Я — сальто перевернутой отчизны.
Я — старый клоун. В клюкве, не в крови.
Я вышел в чат. Страна, поговори!

Ты, ставшая любовью моей жизни,
определяешь жизнь моей любви.

ТРЕТЬЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебя не сберегли.
Я в душу соберу
седьмую часть земли
с названьем кратким — ги...

ЧАТ 1

Только выбегу поутру,
с горки с выгибом посмотрю:
за Рублевским шоссе — гу,
и в брусничном бору — гу...

Коррупцированная гу,
поруганная моя гу,
рулевая моя гу
с кликом Врубеля в миру!

Хорошо ступать на грабли!
Считываю на ветру
смысл кардиограммы — дабл ю —
www.gu.

Я люблю три дабл ю гу,
www — три струга Рюрика?
и гармошка ввечеру?
33 коровы? — вру! —
три короны и секьюрити —
ЦРУ и ГРУ.

Нас ги-банки
обстругали, как рубанки.

Моя белая рубаха
ночью по небу летит —
мессианскими ги Баха
дирижируя навзрыд!

Ру — бяка?

Хороши Нью-Йорк, Бейрут и Каунас —
но нигде так не воруют, как у нас.

Как ругаем мы себя за рубежом!
Зато веруем. И душу бережем.

www.зарубежье.ги

www.группировка.ги

www.трубадуры.ги

«Раздолблю!» — вопит дура ги.

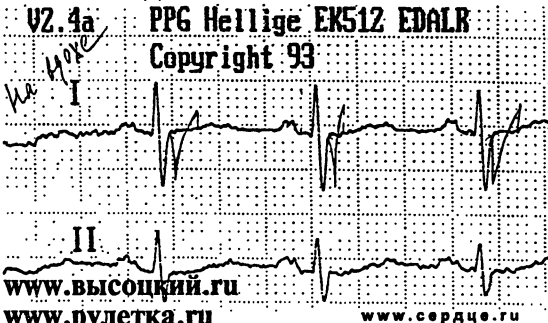
Порубленную мою ги
не зовите к топору!

ЧАТ 2

Государствами правят кухарки.
Молодые бегут в инет.
В заколдованной доблести хакера,
в тайне смеха — позорного нет.

Что в сердечке Твоем, моя хакерша?
дочка гу? выпускной спецкласс?
Утомившийся хризопраз.
Несмотря на защитные хартии,
устают хрусталики глаз.

Ползарплаты — на парикмахершу,
ты победно, как будто картуши,
носишь локоны: «Смерть фуфлу!»
Что ж, листая странички Нагретс'а,
дышишь тяжело, будто Фру-Фру?
В твоей кардиограмме, хакерша —
www.господи!.ru

www.Пушкинская.ru
Нужны новые гуру.

ЧАТ 3

Осторожно! Бокалы не кокните —
слепки с бюстов Антуанетт.
Интерьеры terra инкогнито
называются internet.

Что хотел, как яйцо, бритый гладко,
ваш компьютерный инженер?
Видно, всмятку мозги имел,
медицинским плакатом матки
обустряивая интерьер?

Словно красная карта Родины,
нежной страсти его предмет
не укладывается в пародию
на начальничий кабинет.

Спец по видео и халявщик,
по-младенчески безволос...
— Его, видите ль, «вдохновляет»!
Понеслось!

«Отвратительно! Круто! Знаково!»
Содрогнулась, возмущена,
выворачиваясь наизнанку,
оскорбляемая стена.

Душа, розовая как мыло,
бормотала из камасутр:
«Не играйте с внутренним миром!
Не заглядывайте вовнутрь!»

Его череп заколотило.
Серьга брызнула, как слюна.
Мы видали — его проглотила
стена.

Исчезали в каменных схватках
череп гладкий, потом нога.
Еще долго стенная кладка
успокоиться не могла.

Где теперь ты, юноша чокнутый?
Кто сегодня — дожди комет?
Интерьеры терра инкогнито
называются internet.

www.пургаз.ru
www.оргазм.ru
www.бизнес.ru

Мышке хочется в нору.

ЧАТ 4
(без ru)

Я без Тебя, как без ru.

На Венере безрукавка,
без ru — Кафка.

Нигде так не во...ют, как у нас

...блевское шоссе

...левая — по...ганая

мне и ...бля не накопили строчки

...салка на ветвях сидит

«своя ...башка ближе к телу» (Мария-Антуанетта)

...МКа коньяка

Я — па...с. Одинокий. Белею.

Почем Мерседес-Бенц? А просто — ...бенс?

...ина — девушка моей мечты

Все восхищены ...бином Ньютона

ТВ и т...п

ГЕНПРОКУРОРУ (копия в РАО)

«Еще в 1994 году мною было изобретено и опубликовано имя «Ру» (ru). Прошу компенсировать моральные убытки из-за всемирного плагиата в размере — 1 руб. за 1 ru».

www.woznesenskij.ru

Граждане Ru! Трудовые гиганты!
Достигнем уровня Руанды!

Вы...чат!

ЧАТ 5

Как Ты меня любишь, как Ты меня любишь,
как любишь!..

В сердце впрыснувши наркоту,
сбросив тыщи осенних юбищ,
посвящаешь меня в наготу.

Ты — свобода моей неволи.
Это Ты в брусничном бору,
натерев позвонки канифолью,
посвящала меня в игру.

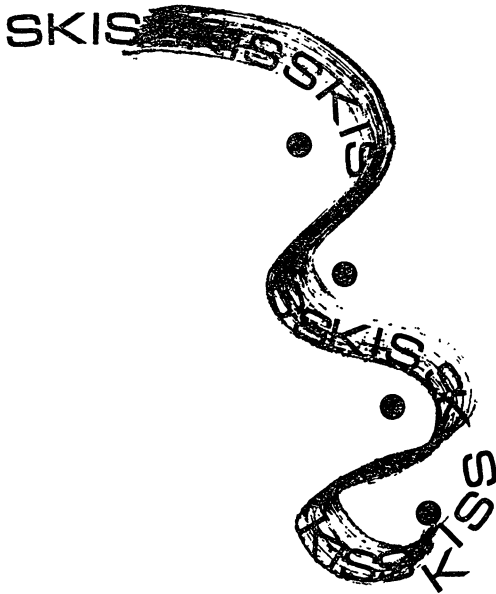
Дрожь над полем, над лопухами,
недоступное маляру
исчезающее Твое дыханье,
нерукотворная моя гу...

www....ru

ЧАТ 6

Мы устанавливаем неслабо,
покруче «Девушки с веслом».
Поэзия — ослепший слалом
между «послал на...» и «Абессалом».

И С Л А М

РИСК
И
С
К
Р
И

ЧАТ 7

Ночь. Челябинск. Ремни в ручищах.
За товарища пасть порву!
Дед. Ремесленное училище.
Пряжка с литерами «РУ».

Свищут пряжки. Бей, ремеслуха!
Ряшкой в грязь. Чтоб не был лицом.
Свищут в праздник Святого Духа
пряжки, наваренные свинцом!

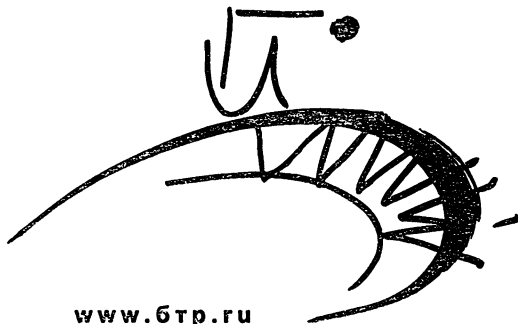
Драка! Драка! Из чувства мести
(дранка, дранка! летит в подьезде!) —
месть за нищую жизнь, за мрак.
Мы — кулак, когда все мы вместе:
каждый — друг, товарищ и враг.

Мордой в глину — не в торт пражский.
Кто-то в небе уже плывет,
раскрутясь роковой пряжкой,
одиноким, как вертолет.

Пряжки в воздухе режут полосы,
не какие-то там «дабл ю».
Это я из-под ног, без голоса,
это я на земле хриплю...

Кровоточит чат темпераментно,
в нем прилично лишь слово «на»...
В небе свищет прожекторами
салютирующая страна.

— Ты куда несешься, ги?
Тпру...

ЧАТ 8

СКАЗКА О ЗАЛАТАННОЙ РЫ

www.гармошка.ru

СтаРУха брала свою пряжку.
Старик ловил неводом нет.

Инопланетян — нет.
Стран, куда летят,— нет.

У Твардовского был свой счет:
руганёт, а потом — печатнёт.

NESCAFE

Люблю Нескафе под икру.
Ни дабл ю, ни дубль вэ, ни ру.

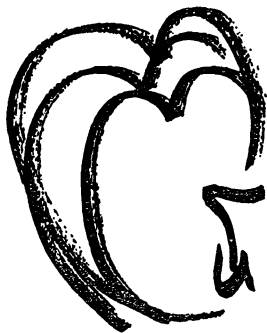
Снедь,
чтобы красНЕТь.

Шевролетной улыбки — нет.
Прошло лето, а рыбки нет.

Whiskas

Китекета котенку нет.
УгНЕТенных бананов нет.

www.индюк.ru

Индюк стоНЕТ по двору
перед казнью: «www.ru».

НЕТипичено Скуратов одет.
КиНЕТических скелетов — нет.

Нас Кио киНЕТ,
Moshino киНЕТ,
мякина киНЕТ,
Госкино киНЕТ,
НЕТленки НЕТ.

Дурака, что с крюка висНЕТ, нет.
Рака, что свисНЕТ, нет.

Что в продаже есть, того нет.
Ему даже поесть — нет.

Осень — моНЕТный двор.
НЕТопырь не платит за свет.

Новый кабинЕТный вор
над страной наГНЕТает: «Нет».
Уронив на струну вихор,
плаНЕТарно плачет Башмет.

ТЕННИАЕТ

Монтеня нет
Нататении нет
«ИНТЕРНЕТУ — НЕТ!» —
наш сосед произвел запрет.

Ученик Башмета, хакер,
бросив детства мир засахаренный,
взламывает банка код —
из азарта, как кроссворд.
Талант тянется к добру...
www.тюряга.ru
www.астма.ru

Подпишу письмо царю
(www.коммерсантъ.ru)
«Талант теряем», — говорю.
Отвори тюрягу, гу!

ЧАТ 9

Блеснуло лезвие «Жилетт».
Начальник, убери свой ствол!
Выкидывает авторитет
кишки на стол, кишки на стол.

Как красных жемчугов ведро,
как из метро народ пошел,
дымится смутное нутро —
кишки на стол, кишки на стол.

Любуйтесь русским харакири!
Начальнику сулит позор
кишочковая терапия —
кишки на стол.

Ни русский не поймут, ни идиш.
Выход простой —
летит пульсирующий выкидыш
на грязный стол!

Душа откроется, сочась.
Овчарка дернулась к нутру.
Тебе наложит шов санчасть —
www.ru, www.ru.

Ты вспомнишь, Холин, этот бред,
когда в первопрестольный ор
ты выкинешь, уже поэт,
кишки на стол — письменный стол.

Холин

Холин

www.ru

В зеркале пишущего холдинга
(«Холин — ни лох...» и рифма — «болен»)
нелепая фигура Холина
бредет длиннее колоколен.

Ни лох, ни царь и ни герой,
жизнь мертвецу была, как хобби,
он жив свободою иной,
иной свободой, чем у Горби.

К чему похвал ненужных хор?
Ведь каждый пить приговорен
из крана воду «ХОЛ» и «ГОР» —
из речки, где царит Харон.

ХАРОН В РЕКАХ — ХАКЕР В НОРАХ

Хоро**ШОК**овая терапия

Кон**ВОЙ**ный

Из жизни моей, из **параболы**
выдавливаю раба,
и тень **Па...ОЛЫ**, высвободясь набело,
касается франческиного лба.

www.медный всадник.ru

Петро-сквозняк! Простуд полно.
Европа, затвори окно!

ЧАТ 10

У послушниц Ордена хакеров
полуночные очи болят.
Поддевочка цвета хаки.
Зомбированный взгляд.

Интердетка, сети детеныш...
Как за вредность — литр молока,
Ты спасаешь души своей тонус
ненормативностью языка.

Когда ты снимаешь фуфайку,
дыханье перекрестя,
проступят, как лейблы файла,
тату из плеча и крестца.

Крутизна есть в твоём характере
математика и азарт.

Ты можешь выплеснуть в харю,
что нельзя тишиной сказать.

Половой терроризм? Оскоми́на...

Бьётся, словно в сачке, чужа,
как красивое насекомое,
непонятная мне душа.

И шевелится в голове,
как у каждого, мини-зло:
два убийства неосуществле
и вчерашняя кража со взло...

На Земфиру фыркнешь с презрением?

Сиганешь с этажа? Схохмишь?

Полуграмотное прозрение
в твоих пальцах дрожит, как мышь.

И внезапно так станет тошно,
что введя «Макинтош» в игру,
«Надоело! — ты крикнешь.— Точка!
Ru!»

Сеть ринется в тартарару.

Прочитаем первоисточник.

www.ru.

Боже! Мы забыли Точку!

Не зарифмовали точно
мини-черную дыру
(гол, что снится вратарю).

Ухнет сеть в **ТАРТАРАРУ**

все - и Иоанн Заточник,

Точка!

мамонт Западно-**В**осточной

веры, БТРы на смотру,

миллионы одиночек,

приложения к ребру:

дачки, тачки, мамы, дочки -
сумчатые кенгуру,

кисти ортодоксов в досках

И

певец, начавший "Тоску",
и печеная картошка
на студенческом жару,

Д

два **О**МОНовца в чулочках

и Москвы пожар **Р**

остопчинский,
мы с тобою, полуночники
смотрим памятник Петру,

и родившийся в сорочке
затекает постиру...

Кто-то спит. Кого-то мочат.

"Не хоч **У**!" - Твой крик истошный.

"Дайте Божию искру!"

"Девочка **С** ромашкой в мочке,
ну, за что ее, сестру
Твою младшую?! За то, что -
т о ч к а.

Все в **ТАРТАРАРУ**

Критик-бабушка с заточкой.

Гол!.. Но что это? Отсрочка?
Шуточка твоя? Примочка?
Или мышка, взяв игру,
завалила на бок точку,
превратив в тире, в муру?

За заборами цветочки.
www.gu

До сих пор от смеха корчатся:
Иван Грозный на пиру,
и Калигула, ну в точности
походящий на Шуру.

Мы еще прорвемся, гу!

ЧАТ 12

www, связанные в вязанку,
этот черный опасный свет
терний, вывороченных наизнанку,
называется internet.

Словно елочные украшения,
эти новенькие дабл ю
еще не ржавые от ношения
на живом человеческом лбу!

— По ком —
а.колокол.com?

И, урча колесом потерянным,
по часам (по-немецки «uhr»)
контейнер, груженный терниями,
направляется в точку «ru».

— А что снится комару?
— Кома ru.

OFF

Прости меня, милый попутчик
сегодняшних гала-Голгоф.
Ты все, что желаешь, получишь.
Я — off.

Я жизнь твою исковеркала
до тла.
Я в Болдино и в Переделкино
была.

Меняются дженерейшны,
страна.
У Блока и Блейка женщина
одна.

Опять с поколениями Мозес
в пути.
Я гибну. Меня, если можешь,
прости.

Хлестал звездопад в дырявый
дуршлаг.

Наивный, ты веришь в халяву,
дурак.

Я, женщина, неизменна
в изменяющихся веках.
Государственные измены —
мой кайф.

Завистливые облаи
облав
все это явления off-лайна,
off-лайф.

Я от прокурорской морали
дошла.
Вбегаю в тебя, Мировая
душа.

Попорчу я новым боярам
игру.
Я с Пушкиным ринулась к «Яру».
Я — ги.

ЭПИЛОГ

Я люблю Тебя, я люблю Тебя, так люблю!..
Все красавицы — страхолюдины,
не дублируют тебя, гу!

Твои псы мне порвали икры.
И теперь, когда загорю,
на ногах проступают титры —
Твое имя — **www.gu**.

Тобой пайщики пировали,
вроде оруэловского хрю-хрю.
Ты, чурающаяся пиара,
нераскрученная гу,
ты спасла меня, целовала...
И за это, когда умру,
свою буковку инициала
закодирую в **www.gu**

Пусть кURLычат они, улетая,
на бескрайнем трубят миру —
три журавлика вечной стаи —

W

W

w

gu

ЧАТ МОЛЧАНЬЯ

ЧАТ II

Стенка Чата. Чатские герои.
Вольнодумства непочатый клад.
Посреди общественного воя,
в оре сволочей и сволочат
Лермонтов погиб за Чат-горою,
Гумилев — из-за озера Чат.
Я стою у стенки. Чат прикрою.
За спиной хохочут и кричат.

Завтра ты убила меня.

Чат впечатляется:

KEKS: убийство — кайф секса

KAIFA: род кайфа

ALFA: выдавливай пальцем глазное яблоко

SERGE: я б его...

— Бей олигарха стиха!

— Наматывай на локоть потроха

ALFA: оптическая прицелка...

ARFA: а я еще целка...

ZUBILO: извините, но Вы без очереди, кобыла!

ARFA: фи, было

не хай, файл! всё — «хай фай»

SERGE: где-то я слышал этот хай

ZUBILO: а как всё это было?

KEKS: труп расчленила,

пуп начинила тротилом

TORTILLA: а, может, выслушаем самого?

SERGE: а что думает наш Б.Г.? Вернее, В.Г.?

BILL GATES: блин, полтергейст!

ZUBILO: знание — сила

SERGE: бей гейтсов — с кейсами и без кейсов!

MAG: мы за независимость адыгейцев!

BIG MAC: не понимаю, почему все против бомбы?

TROCKY: ледорубом бы!..

Ты выбираешь ровер.

Ты прислоняешь меня к стенке у метро Динамо.

Разгоняешься и таранишь меня.

Я вижу в упор твои весёлые от ненависти глаза.

Раз! Я уклоняюсь. Плечо всмятку. Фары вдребезги!

Осколки бампера впиваются мне в шею, как вампир.

Ты снова разгоняешься и...

ZUBILO: убила!

...но тут стена расступается, пропускает меня

и захлопывается.

Видно за моей стеной была дверь лифта.

Этажи! этажи! этажи!

Так, вот ты какой, чат, изнутри.

SANYA: если углубиться,
любовницы — все! — убийцы.
Некоторые — само...

SERGE: моя родина Динамо.

Не понимаю — вроде бы убит я, а почему
на мне твоя кровь?
Умираю от моей любви по горло в твоей крови.
На белой брючине не смывается твое винное пятно.
Весь кафель за тобой в багровых пятнах,
как горох на юбке.
Будущее — знобяще.

ZUBILO: его, видите ли, зазнобило

ALFA: тренируйте мыслей бицепсы

ARFA: хочу суши!

SANYA: ЧАТ — ДУХОВНЫЙ ЭКСГИБИЦИОНИЗМ,
ДЕМОНСТРИРУЙТЕ СВОИ ДУШИ!

KEKS: гексагена нет
гекзаметров навалом

SERGE (ment): обвинения наварим

SANYA: если Вы, Серж, из милиции, то почему же
Вы на Ниссане?

SERGE: любовники — все! — убийцы.
Некоторые — само.

ARFA: МЕНЯЮ МУЖЧИНУ
С СОВМЕЩЕННЫМ САЛУЗЛОМ
НА ДВУХ МУЖЕЙ В РАЗНЫХ РАЙОНАХ.
НА СЛОМ.

ZUBILO: на мыло!

ARFA: прическа у меня афро, клиентов прорва.
Но я люблю Диброва

DIBROV: я — off

ARFA: ку-ку!

SERGE: я подкидыш. На слуху
это мамино «ку-ку».
Ху из ху? Спрошу как на духу:
Вы сыночка не теряли?

ARFA: боже мой, как в сериале!

А есть родинка в паху?

SERGE: есть! У левого яичка.
Убедитесь самолично.

ARFA: как и у отца.

SERGE: Ху из ху? Меня зовут сержант Абзац.
К чему Nickname'ы?

ARFA: я — Анна Федоровна Хусейман.

SANYA: сержант Абзац, я твой отец!

Тогда работал я на ТЭЦ

Водяра подлая...

ZUBILO: сгубила?

SANYA: потом тюряга...

ZUBILO: искупила?

SANYA: ты помнишь, Нюра?

ARFA: помню, Вася

SANYA: Володя я

ARFA: не обижайся

Башка кружится, как от вальса

SANYA + ARFA: мальчик наш, чадо!

SERGE: папа!

ZUBILO: Войтила?

SERGE: мама!

ВСЕ: спасибо чату за программу

SERGE: моя родина «Дина...

ARFA: хайль файл! Всё — «хай фай»! Ку-ку!

DINAMIK: атаку Спартаку

MAG: продам шорты цвета киви

FAN (Kiev): вин — Пеле! ВинПеле —

винПелевин — Пелевин.

EDIK: не Империю жаль, а царевен

MEDIK: не спи один. Захлебнешься, как Довлатов

**ВСЕ: ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ
Я — ГРАЖДАНИН
СОЕДИНЕННЫХ ЧАТОВ!**

Шли годы. Благодаря счастливой моей сутулости,
я работал в чате вопросительным знаком.

Вопросы случались дурацкие,

но я был повернут к публике затылком, как дирижер,
поэтому не смущался.

Балансировал на шаре.

Я уже заготовил убийственный вопрос Сфинксу.

Но однажды я вспомнил про Тебя, распрямился
и стал знаком восклицательным.

Меня не выгнули — просто выгнали.

Стена расступилась, и Чат выплюнул меня.

Моя родина. «Динамо».

Значит, лифт шел не вверх, а по кругу.

Метро. Цветы.

Ты бежишь мне навстречу розовая, как из-под одеяла:
— Я? Тебя?! Убивала?!!

ZUBILO: забыла

— А, что же ты милый какой-то покосившийся?
Ну-ка, встань под горку. А я буду, как водопад...

ZUBILO: любила

Ты выбираешь самокат.

ЧАТ III

Час Луны, чат вины,
чад чеченской войны.
Нам «двенадцать» часы прокричат.
Но среди тишины
вы расслышать должны
чат молчанья — тринадцатый чат.

Я — московская моська
слонихи-Москвы
в мощных хоботах эстакад...
Чат мой! Брат мой!
Легко ль, когда в вас совместят
чат молвы и молчания чат?!

Октябрь 2000

РАСТИТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ СТОЛЕТИЯ

Заходите в сайт, господа! Не стесняйтесь грязной обуви. Вживайтесь в новый стиль столетия.

Так, на Венецианской архитектурной Бьеннале-2000 голландцы построили домик, где вместо стен огромные экраны проецировали Прошлое, Настоящее, Будущее и то, чего Никогда не будет. Потолок — пятая реальность. Под ногами, как цветущий луг — шестая.

Приучайтесь жить в иных измерениях, господа.

Одновременно из нескольких экранов вещают зодчие, заглушая друг друга. Чат. Самовыражаются.

Слышится родной рев. Это Хрущев орет. Учит, как строить и писать стихи. Это он на меня орет, на Кремлевской встрече с интеллигенцией.

Есть нечто мистическое в том, что аудиозапись его речи нашли в пензенском архиве за три месяца до конца столетия. Когда Василий Аксенов, мой подельник по хрущевскому ору, услышал эту запись, он был в шоке. Общеизвестно, что там впервые в истории русскому поэту была брошена в лоб угроза высылки из страны. И т. д. и т. п.

Но рев, предсмертный рев столетия...

Теперь, вслушиваясь в периоды великодержавного голоса, я вдруг обнаружил странный ритм и поэтические синкопированные просодии текста. Подобное было в музыке Шостаковича к «Катерине Измайловой» и, может быть, в нынешнем рэпе. В белом стихе даже кое-где проглядывала рифмовка.

Бережно, не изменив ни одного слова, я расположил текст речи в поэтической строфике. Повто-

ряю, в тексте НЕ ПРИБАВЛЕНО НИ ОДНОГО ЛИШНЕГО СЛОВА.

Прежде я пользовался стенограммой из кремлевского архива. Увы, она оказалась приглаженной и даже с некоторыми добавлениями, которые топорно искажали музыкальный рисунок речи. Так, например, в слова художника Голицына была добавлена фамилия некоего поэта, которая, может быть, улучшала политическую окраску, но рушила поэтический строй. Многое было вырублено, например, словечко «очкастый».

Что это? Прошлое? Настоящее? Не дай Бог, Будущее...

Настоящая будущая архитектура ныне не признает прямых углов. Она с детства полюбила овал. Ее формы растительны, повторяют движения тела, адресуются к бодиарту.

Известно, что Первую премию Бьеннале получил Грэг Линн за свое «Эмбриональное жилище», он имитирует форму человеческого нутра, оцифровывает движения акробатов и каратистов. Комфортабельная, кревоудобная архитектура.

Помню, как в прошлом веке я посетил виллу Пьера Кардена, где не было ни одной прямой линии — все вогнуто, выпукло, даже стекла. И вот сейчас это стало нормой, стилем нового столетия. То же самое — в музее Гугенхайма (Бильбао) — «Гуги», как его называют испанцы. Я был там на встрече интеллектуалов Европы, и нарциссичная архитектура влияла на рассуждения ораторов. Сбоку музей похож на корабль, а с птичьего полета — на диковинный цветок. Линкор и горлица? Сирень

на крейсерской скорости? Гибрид шаланды и лан-дыша? «Гуги» считается заключительным аккордом XX века. Но оказалось, что он стал родоначальником стиля нового столетия.

Выпуклы формы сайта «Новые публикации». Новые? Или Прошлые?

Эта публикация произошла в 2000 году — первая публикация главы из моей древней поэмы

«Лонжюмо», которую я писал до и после хрущевского ора. Вопреки общему мнению, публикация ее проходила с трудом. Одну главу особенно было жалко. Тогда я нашел телефон всесильного Секретаря ЦК по идеологии, позвонил и сказал: «Что за дела? Не печатают ленинскую цитату!» Трубка грозно прогромыхала: «Кто не печатает?! Почему?» Затем трубка осторожно поинтересовалась: «А что, собственно, за цитата?» Я прочитал ему эту главку:

*Мы — утопленники Утопии.
Изучая ленинский текст,
выражение «двоежопие»
мною прочитывается как тест.*

*Вылезает из круглых скобок
перископный глаз, как циклоп.
Раздвоение душ прискорбно,
но страшней — раздвоение жоп.*

*Удивительная новинка —
человек с четырьмя половинками.
Амортизирован, чтоб лежать —
НЕПОНЯТНО, КУДА ЛИЗАТЬ.*

*Многоженство антизаконно.
К многожопству сейчас пришли,
как упругие шампиньоны,
их выращивает Дали.*

*Но, увы, еще до Потопа
от рождения нам дана:
одна Родина, одна жопа
и, увы, голова одна.*

Трубка минуты две молчала — может, он осмысливал услышанное или просил секретаря найти нужную цитату. Наверное, так, потому что наконец трубка ответила: «Действительно, у Владимира Ильича встречается это слово — трижды, в разных стенограммах. Но читатели нас не поймут. Кстати, как там у Вас: «Увы, одна голова»? Я услышал угрозу: то ли мне, то ли он о своей голове задумался.

Но вернемся к архитектурным овалам. Тектоника хочет воспарить.

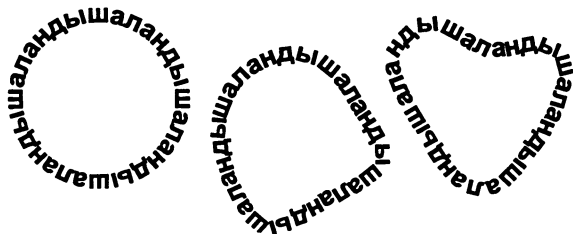
Бюро «Futuraama» выставило знаменитый объем жилища, к которому входящий должен прикоснуться ладонью — и куб завибрирует в такт вашему сердцу. Так вы становитесь соучастником создания. Кардиограмма красоты? Сердце вместо декора? Кардиодекор?

Вообще, в в сегодняшнем зодчестве торжествуют метафизические идеи Захи Халид, выпускницы английской архитектурной школы. Объемная иракьянка в черном платке на голове, она олицетворяла в 90-е годы романтический стиль, правда, почти ничего тогда еще не построив, кроме знаменитого бара с интергибельными интерьерами. Теперь Захи Халид стала коммерческим лидером и классиком нонконструктивистской архитектуры. Ее проекты — движущиеся, перетекающие из одной формы в другую, как кто-то сказал, «похожие на огни машин ночного города, снятые замедленной камерой». Менталитет человеческий не поспевает за зодчими. Самая земная, консервативная область искусства — архитектура — находится перед прыжком в откровение.

А как поэзия отзывается на эти изменения сознания? То, что раньше казалось изысканным приемом, даже трюком (палиндром, звуковая игра), ныне стало приемлемой для всех естественностью.

Еще в конце прошлого века мне открылась круговая метафора, когда одно слово перетекает в другое, создавая движение.

ШАЛАНДЫ — ШАЛАНДЫШАЛАНДЫША — ЛАНДЫША

Как в Бильбао, смысл, дыша, переходит от корабельной формы шаланды к задушевной форме ландыша.

Это моя книга — новая. В ней вещи 2000 года и часть 1999 года. В последнем разделе некоторые из предыдущих 5-и лет. В них уже чувствуется предвкушение растительного стиля. Одно из старых стихотворений «Реквием» к сожалению звучит очень современно сейчас. Пришлось включить.

Книга — типографский отпечаток чата.

ВРЕМЯ ПОШЛО!

Гюнтер Грасс страстно отплясывал «русскую» в Переделкино.

Завершался московский Конгресс Пен-клуба-2000.

После горячих политических дискуссий о Чечне, о правах человека свежим глотком оказался поэтический вечер, где в течение трех часов и Гюнтер Грасс, и Роберт Блай, и наш Битов (на этот вечер ставший поэтом), и генсек русского ПЕНа Саша Ткаченко упоенно читали стихи. Я прочитал Бродского, чей день рождения приходился на эту дату. К нашему чтению я нарисовал плакат, где поэтическое перо ПЕН-клуба рифмовалось с бедром Музы.

По счастливому совпадению на этом вечере состоялось первое вручение Независимой пастернаковской премии. Сорок лет она ждала своего часа!

Жюри премии небольшое: Т. Бек, А. Кушнер, Ю. Любимов, М. Тимашева, С. Чупринин. Собираемся мы в чайные часы в кафе, за бутылкой красного вина и чашечкой кофе. Это я перенял у премии Братьев Гонкуров. Каково было мое изумление в

Париже, когда мы заседали там в ресторане за обеденными кувертами... И вот, наконец, на Конгрессе ПЕНа я вручил премию Геннадию Айги. Тому самому, которому когда-то завещал Пастернак: «Найдите Андриюшу и вместе пробивайтесь в литературу».

Москва поражала гостей новыми эстакадами и торжествующими слоганами, кричавшими со всех улиц: «Время пошло!» Увы, слово «пошлость» неприводимо ни на один язык мира. Надеюсь, гости не усекли глубины значения.

Впрочем, может быть, не время пошло, господа, а пошло наше представление о нем?..

Зачем Запад едет в Москву? Только ли ужаснуться?

Например, судьба Мэри Райхерт. Она странна и невнятна.

Мы познакомились на моем выступлении в Филлипс Академи, где учатся дети американской элиты. Несмотря на то, что в ней нет ни капли русской крови и предки ее из немецких переселенцев, она заболела Россией. Жизнь Мэри достойна романа или документального сериала.

Зачем ее понесло сегодня в Белгородскую область спасти нищее село или, как она говорит, «колхоз»? Не будучи миллионершей, она купила дом и корову в России. Блистательно освоенная ею ненормативная лексика пахнет степью и мычанием коров. Все уравновешенные люди эмигрируют из России в Америку, а эта — эмигрантка наоборот.

Наваждение? Идиотка? Не нам судить.

Не приставайте с политическими интервью!

Страхивая капельки пота с черных усов, Гюнтер Грасс отплясывает «русскую».

НЕСЛИ НЕ ХОРОНИТЬ — НЕСЛИ КОРОНОВАТЬ

Сквозь имя «Пастернак» проступают тернии.

Похороны его стали первой демонстрацией народного протеста, далее были прощания с Шукшиным, Высоцким, Сахаровым, Холодовым... Сегодняшний читатель и представить не может, как это — запретить пойти на похороны поэта, пусть даже «отщепенца» и недавно исключенного из Союза писателей. Власть же считала это главным политическим преступлением года.

Для меня это было личное безысходное горе, я был около Пастернака в течение многих лет, он был мое «все». Я уже много писал об этом и не взялся бы за перо, если бы не настойчивость редакции.

1 июня 1960 года. Ровно сорок лет назад.

Меня взялся подвезти до Переделкино Александр Петрович Межиров, поэт Божьей милостью, синеглазый супермен, бильярдный король, увесивший стены своей берлоги фотографиями боксеров. Его мы называли Саша. Мы знали, что он носит на

лацкане чужой значок «Мастер спорта», но гуманно делали вид, что верили его наивным фантазиям. Мама моя не переносила его за разносную статью против меня в «Комсомолке», из-за которой он, по его словам, получил переиздание своей книги. Что тоже, вероятно, было его фантазией. Увы, это балансирование на грани реальности привело его к темной истории, когда он уехал, оставив на снегу случайно сбитого им насмерть актера...

Но именно он привез меня в Переделкино.

Третьей в «Москвиче» была Майя Луговская, с которой я познакомился, когда отвозил по просьбе Пастернака экземпляр «Доктора Живаго» от Андронникова к Луговскому. Видя мое состояние, они относились ко мне как к больному.

Внезапно у «Голубого Дуная», шалмана, где некогда Пастернак распивал с работягами, «Москвич» резко затормозил.

Саша вышел из машины: «Они номера записывают. Дальше Вы идите один. Мы Вас здесь подождем». В его небесно-синих глазах стоял страх: «Я боюсь. Я же член партии...» Это он, боевой офицер, прошедший фронт, не боявшийся Синявинских болот — он испугался?! Что Система делает с человеком!

Его губы дрожали. Он бормотал что-то, уже, видно, обращаясь к Майе: «Я не могу... Когда Васька Смирнов и этот... ну как его... вылечившийся сифилитик, дыша перегаром, хрипят с трибуны тебе вопросы...» Вероятно, это были воспоминания о временах борьбы с космополитами.

Я побежал к пастернаковской даче.

Огромная неписательская толпа напирала на низкий штакетник изгороди. Играл Рихтер, потом Юдина. Я прошел в дом. Столовая, в которой стоял гроб, была пуста. Помню, подошла Тагер, что-то сказала.

Потом Грибанов рассказывал Дэзику Самойлову: «Андрюша Вознесенский сидел на крыльце и плакал». Может быть.

В песне Галича есть слова о палачах из Союза писателей, исключивших Пастернака из Союза: «Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку».

Увы, на общем собрании все единогласно проголосовали за его исключение (при одной воздержавшейся). Проще взять справочник Союза писателей тех лет — позор на всех. Один поэт, мой приятель, оправдывался: «Я не голосовал, я удалился в туалет». Это повторяли и другие. Я представляю туалет тех дней — бесконечный, как ленинское бревно.

И нельзя сваливать все на тупость тоталитаризма. Окололитературное болото, средняя арифметическая серость были совершенно искренни. Они мстили гению. Мы не понимаем поступков гения и примеряем их на свой шкурный аршин.

Нельзя же все сваливать на Хрущева, который, естественно, не понимал поэта и взбесился, у него была масса государственных задач в голове — например, как свалить Жукова или как облапошить советских держателей облигаций.

«Ишь, какой Пастернак нашелся!» — кричал он мне несколько лет спустя. Премьер помнил Пастернака.

Вспомним и мы не только выроdkов, но и тех, кто пришел поклониться поэту. Поименно: В. Асмус, В. Боков, А. Гладков, Ю. Даниэль, Вяч. Вс. Иванов, В. Каверин, В. Корнилов, Н. Коржавин, Й. Нонешвили, Б. Окуджава, К. Паустовский, А. Синявский, Ир. Эренбург... Все они не испугались, все рисковали. Окуджава, может быть, больше других, ведь он был государственным служащим и членом партии.

Сейчас удивляет, что не было ни одного письма в защиту Пастернака. Как не было их в защиту Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и, конечно, Осипа Мандельштама.

«Несли не хоронить — несли короновать». Это мое стихотворение, написанное в день похорон, я отнес «на голубом глазу» в редакцию «Литературной России». Верстался номер, посвященный юбилею Толстого. Редактор, поняв или не поняв адресат стихов, вставил их на полосу. Единственное, что его озадачило — строфа:

*Вбегаю в дом его.
Пустые этажи.
На даче никого.
В России — ни души.*

Но стихи так и вышли к изумлению читающей публики. Итальянский издатель Фельтринелли (тот самый, что издал «Доктора Живаго») в моей книге, подстраховав меня, поставил подзаголовок «Памяти Толстого».

Позднее Ольга Ивинская в своих мемуарах озаглавила этой строкой главу о похоронах Пастернака.

День похорон продолжался. Продолжается он сорок лет. Каждый год в июне переделкинские холмы наполняются соловьями и студентами, читающими поэта. Усилиями Наталии Пастернак Большая дача превращена в музей.

Сорок лет прошло, а все нет мемориальной доски на московском доме Пастернака. Есть памятники Маяковскому, Есенину, Высоцкому, Мандельштаму. Прошел конкурс на памятник Окуджаве. Но почему забыт Борис Пастернак?.. Ведь он, безусловно, крупнейший из поэтов XX века. Дай Бог, чтобы в новом столетии родился поэт не меньшего масштаба.

Нашу поэзию вечно хоронят. Сколько живу, все читаю статьи о кризисе поэзии и читателя. Между тем, в магазинах томики стихов раскупаются.

Нынче нет на поэзию голода. Но есть аппетит. Значит, День Пастернака продолжается.

...Я помню толпу, бронзовый гроб на фоне синего неба — его несли от дома до кладбища на руках, отказавшись от услуг литфондовского гробовоза. Два его сына, забыв неприязнь, несли гроб отца. Несли не хоронить — несли короновать.

Когда я вернулся к «Голубому Дунаю», «Москвич» все еще дожидался меня.

ВЛАДИМИР

Владимир Васильев для нашего искусства драгоценен как, наверное, орден Святого Владимира.

Он — один из лучших танцовщиков мира. Еще юношей я восхищался его головокружительными прыжками в «Спартаке» и «Дон Кихоте». Мы впервые творчески столкнулись с Владимиром Васильевым, когда он ставил движение в рок-опере «Юнона и Авось» в театре Ленком у Марка Захарова. Тогда модерн считался запретным, но полуголые тела на полу, обращенные к зрителям пятками, и движения их были дерзкими и мощными. Васильев превратил драматических актеров в звезд современного балета. Актеры любили его, несмотря на деспотично изматывающую работу.

Совсем недавно я видел его репетицию с группой «Метро», которую он вытащил на сцену Большого театра. Он легко прыгнул на сцену и показывал молодым артистам современные ритмы движения. Ниспровергатели классики глядели на него с обожанием. Я часто вижу Васильева на заседаниях жюри премии «Триумф». Характер цепкий, упрямо принципиальный, он очень профессионален в своих суждениях.

Однажды на стене кабинета Евгения Колобова я увидел портрет хозяина, написанный в постимпрессионистической манере, с тонкими соотношениями цвета.

— Кто это? — спросил я, имея в виду автора портрета.

— Это мой портрет работы Володи Васильева, — ответил Колобов...

Как часто истинные мастера работают сразу в нескольких жанрах, обращаясь не только к музыке, но и к живописи. Васильев — мастер щедрый, лишенный чувства зависти и ревности. Влюбившись в новое искусство Бориса Эйфмана, он безоглядно дал ему сцену в Большом театре. И не только сцену. Труппа Большого театра под руководством Эйфмана сотворила шедевр — «Русский Гамлет». Редко кто из режиссеров так радовался бы успеху товарища.

Белокурая копна волос и легкость Владимира Васильева у меня почему-то связаны с вольным воздухом моего родного города Владимира.

Наша культура похожа на стакан «Блади Мэри», где над темной непрозрачной томатной массой колеблется хрустальный слой чистого алкоголя — чистого искусства. Мне радостно, что Владимир Васильев принадлежит к этой нашей элите.

ГЕРНИКА САПГИРА

Ушел мой любимый поэт.

Тугоухий врач, к которому обратился Генрих, послушал и равнодушно отмахнулся: «У вас все в порядке, живите активной жизнью». Увы, было все не в порядке.

Но он все равно бы продолжал жить полной жизнью: бражник, лианозовский эпикуреец, в мягком вязаном диванном пуловере, беспечный само-сожженец — с профилем тапира и с деликатной улыбкой тигра.

Герника Сапгира в его языке. Слова разрубаются пополам, брачуются, разминаются, выжимаются на тренажерах, перетекают одно в другое. Слова — эхо, слова — иероглифы.

Их чувствуешь животом, кишки сводит.

Думаю, что таким бы был Заболоцкий, не сломай его психику годы лагерей. Поэту отбили душу, как печенку.

Счастливый, праздничный, игральный дар Сапгира оставался собой до последней минуты. Наши тугоухие снобы прощают словотворчество лишь в

начальной поре. Они прикрепляли к поэтике Генриха ненавистные им ярлыки: «эксперимент авангардизма» и т. д. Они не заметили, как культура Филонова, Хлебникова, Генриетты Давыдовны и Сапгира давно уже стала классикой закончившегося века. Другой не будет.

Его собрание сочинений — как бы «Хроника времен Генриха Сапгира», вневозрастная, внезлободневная. Любовь к языку, чувственное служение родной речи и есть патриотизм поэта, а не показательные заклинания. Ведь национальная идея таится в языке, а где же еще?

Мировую известность ему принесла антологий русской поэзии «Поэты на перекрестках», выпущенная в Нью-Йорке Ольгой Андреевой с участием Роуз Стайрон. Там под рубрикой «барачные поэты» были напечатаны ГенриХ и Холин — два великих лианозовца XX века, поистине народные поэты высокого гамбургского счета. Там впервые и на русском, и на английском явилась знаменитая строка:

*Я хочу иметь детей
От коробки скоростей.*

Я был далек от политики, но ради этой антологии внял просьбам Ольги Андреевой и нелегально перевез рукопись этой книги в Америку.

В отличие от блоковской формулы о квартале поэтов, Генрих был широк и доброжелателен к собратьям. Закомплексованная зависть наших коллег в нем напрочь отсутствовала. Могучий его том «Подпольной музы XX века» — собрание русского андерграунда.

Мне жаль, что он не прочитает эту мою книгу. Он понял бы. Думаю, что обрадовался бы тому, что стихи подобны чату. Ведь стихи — это тоже толковище, многоголосица, в каждом стихотворении перемешаны голоса жизни, автора, иногда Бога и, конечно, читательского эха.

Год назад Генрих стал председателем Пастернаковского фонда. Мы много беседовали в Переделкине, чаевничали на пастернаковской терраске, бродили среди берез и кленов, окутанных христианскими стихами, записанными гениальным хозяином под псевдонимом Юрий Живаго.

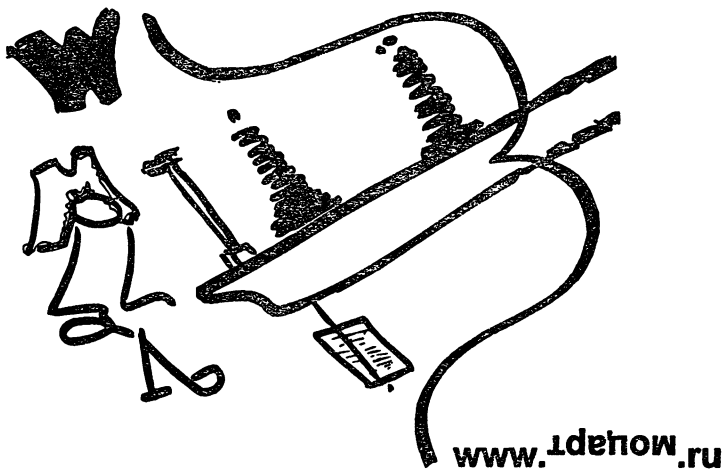
Смерть — то же стихотворение.

Боже мой, ведь и умер он подобно Юрию Живаго. В общественном транспорте. Только задохнулся поэт не в московском трамвае эпохи разрухи, а в московском троллейбусе эпохи распада.

Отпевали его в приходе отца Ильи, того самого, что крестил их с женой Милой в парижском храме. Крестили его под именем Николая.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Николая.

Ушел мой любимый поэт...

ВРЕМЯ ПОШЛО!

* * *

Цейлонская черная чайка,
иллюзии прекратив,
по-видимому, означает,
что все вокруг — негатив.

Но где-то же есть отпечатки,
где ты не обижен судьбой —
где белое золото чайки,
как крестик, блеснет над тобой.

ЛЕНА

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь» — райских птиц колено?
Или цокает ультразвук?
Это свищет дружок мой Лена,
по-нашему, бурундук.

Лена будит меня под утро,
будто ближе не знал родни.
Конфискует мои продукты
и обнюхивает ступни.

Он — дитя наива и солнца.
Так же, робости лишены
с поцелуями по-цейлонски,
обоюдные пацаны.

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь», — издышался спинкой.
Выпей виски. Восстановись!
Схожий рожицей со Стравинским
хвостатый додекокофонист.

Как дупло, он висит на стенке.
Пахнет тайной и воровством

диетолог мой беззастенчивый...
Но Восток есть Восток.

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь». Ты о чем, настройщик?
Музыкальный мой ерундук
в полосатой своей матроске?
Кушай фундук!

А когда он пропал недавно,
я сорвал отлет на Москву.
Не признался, что ожидаю
бурундучное рандеву.

«Ц'инь» — божественною одышкой
задышало мое жильё.
Так же билась Твоя подмышка
до того, как сбрили ее.

* * *

Старуха запирала туалеты
и бормотала вещие слова.
Неужто снова повторится это?

Заря над морем. Ухала сова.
И с волосами бешеного цвета
прибой катился,
 словно голова
 Марии-Антуанетты...

ПРОЦЕССОР ПОШЕЛ

Фому кинули на фуфло.
Государство нас облапошило.
Всюду слоганы: «Время пошло!».
Время — пошло.

До великого — полшага.
Сунь перст в раны!
Лишь полшага до пошляка
на экране:

И лорнирует лунный глаз
над блевотой.
И клонируются из нас
анекдоты.

Руку на сердце положи,
обнаружишь — нет сердца больше.
Констатировать «жизнь прошла»
тоже пошло.

Сладко жить на все положи.
Нету сердца.

Выпей белого порошка —
«Алказельтцер».

Мы — апостолы воровства.
Воля Божия? Волейболшево?
И своим подобием Христа
мы опошили.

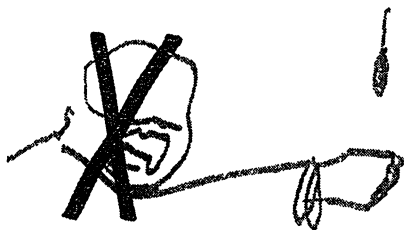
А мечта — не зовет она
дальше «Порша».
Были страшные времена.
Наше — пошло.

* * *

Всплеснув руками, силуэт Христа
бежит с христомативного холста.

НАЕМНЫМ НЕУЕМНЫМ

**Вы — оптимисты, а я — шиз.
Люблю, когда сховавшись смело,
вы на меня смотрите из
оптического прицела.**

ЧАТ ИСТОРИЧЕСКИЙ

Голосина, здравствуй, голосина!
Пленку в Пензе обнаружил перст судьбы.
Надо мной, над беспартийною Россией
воет лысый шар «уйди-уйди!»

Голосина с того Света, голосина...
Для того ли он людей освобождал, —
на своих крестьян — чтоб Хиросимой
сбросить атомную бомбу на Урал?!

Вверх ногами лампой керосиновой
набухает бешеный кулак.
«Вознесенский, — воет голосина, —
господин!» (что означало «враг»).

Пахло водкой, ненавистью, щами.
Я не помню даже, что молот.
Чрезвычайное чревовещанье
превращало встречу в монолог.

Голосина колбасится, голосина.
Был упитан наш царек, но хреноват.
Он от бешенства стал даже красивым,
родину к поэту взревновав.

Помнишь, ты был следующим, Вася.
В чем была вина наша, Васо?
В реве автоматчиков «Сдавайся!»
были мы живыми. Вот и все.

С той поры в покоях императорских
воцарились мат и лимита.
Стали туалетствовать в парадных.
Где Никита? Знаем — «Никитá».

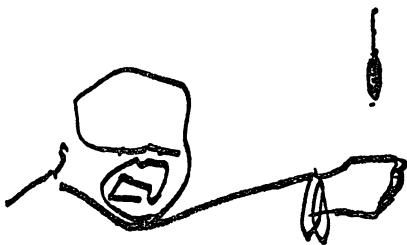
Всюду, когда я казался весел,
надо мной, между улыбок и зубил,
он свисал, сметая залы с кресел.
Годы шли. И я его забыл.

Почему же он сегодня именно
покидает в Пензе мавзолей?
Воет век на собственных поминках.
И блефует, что он всех живе́й.

Хрюк кабаний. Чавканье трясины.
Над интеллигенцией — кулак.
«Ишь, какой ты, — воет голосина, —
Пастернак!» (что означало «враг»).

Игнорируйте его отчаяние,
нутрянной и убиенный рев,
хакеры, пев-мальчики очкастые,
а иные даже без очков!

Но в веках остался жест бессмертный:
с кулаком взметенная рука —
как спускают воду из бочка.
(Продолжительные аплодисменты).

ЧАТ ЛУННОЙ РЭПСОДИИ партия и фортепиано

Луна на шифере. Окошки в испарине.
Век двадцать первый. Столовая — спальня.
Я с плеером жду тебя ночь на пролет.
— *Почему вы афишируете, что вы не член партии?!*
«Я не член партии»! Вызов дает!
Сотрем всех, кто стоит на пути
Коммунистической партии!

Сотрем!

Где тебя носит? Все кончились party.
Время близится к трем.
Опять тойота в окне незавешенном...
И опять стороной...
— *Ваши дела говорят об антисоветчине!*
Нет, вы — член партии. Только не той...
Я буду бороться против всяческой нечисти.
«Я не член партии» — ишь ты какой!
Хотите указать путь человечеству?
(Аплодисменты. Крики «Долой!»).
Не пора ли, пташка, домой?
А вдруг вокруг тебя любера?

Или под выборы
Нам опять вставят клизму чеченцы?
— *Либерализму здесь нет места, господин Вознесенский!*
Вы хотите нам какую-то партию беспартийных...
Гляжу на твои картины:
У женщины ум в инстинкте —
смесь Левитана и поп-арта.
— *Это клевета на партию!*
(Аплодисменты. «Вон из страны!»)
Ах, как я ждал твоей предрассветной
тишины!..
Я слышу, как на далекой пристани
стихает полуночный мат...
— *Ну как же! Родился Принц!*
Все леса шумят.
Вам вскружил голову талант...
Но как ты одна среди страшных улиц?
Вчера в Очакове трое качков...
Луна, как платье, висит на стуле.
— *А вот два агента носы воткнули.*
Один очкастый, другой без очков!
Экран: «Отче наш» поет Михалков
Сергею Владиленовичу. Ночь черна.
Чечня не выходит из головы.
— *Вы по своим стреляете! А кто свои?*

Не хватайте ночных телефонов!
А вдруг это ты из больницы в Лефортово?
И не можешь вылететь в форточку?..
Нет. Опять эта школа злословия,
у, школа поганая...

Слова затишены. Трубка повешена.

— *Мы создали условия
свободы не для пропаганды
антипартийщины и антисоветчины.*

Кого обнимает Твое распятие?

Камо грядеши? Куда идешь?

— *Партия, партию, партией...*

Право на молодежь... Вы говорите ложь!

— *Нет, не ложь!*

А брошь?

Которую, якобы, подарил Диор?

(Аплодисменты. Крики «Позор!

Дави сучат!»).

В дверь стучат. Лишь бы не отперли.

Я без документов. Что скажут оперы?

Кто я? Да еще с ключами... Вот вопрос.

Дождик осенний

— *Никакой оттепели.*

Или лето, или мороз!

Вы скажете, я зажимаю, я — Секретарь,

Председатель!

Как книксен жеманный, приседает белый рояль.

И кресло — в присядку.

«Мадрид твою!» — сегодня играют

«Спартак» — «Реал».

Я спятил.

— *Если вы не перестанете думать, что вы*

родились гением...

Экран: игра офигенная!

Ведет Спартак.

Пас. Тренер. Я те толкану!

— *Ишь ты какой Пастернак!*

*Мы предложили Пас...тернаку,
чтоб он уехал. Спартак — призер.
(Аплодисменты. Крики «Позор!»).*

Окно поехало по потолку.

Вольво.

И опять не сюда.

— *Мы никогда не дадим врагам воли,
никогда!*

*Для таких будут самые жестокие морозы!
(открывает холодильник)*

Хорошо бы попитаться...

(Аплодисменты, переходящие в овацию).

Есть ветчина

— *Антисоветчина!*

но какая-то антипатичная,
цвета Паприщина

— *Антипартийщина!*

(Одинокий антиаплодисмент)

А плодись ты в рот, ед ассортимент!

За год не съесть.

Еще бы штопор.

— *А ты што хлопал?!*

А кто ты есть?

Творожник с корицей.

Пол-банки «Невского».

— *Я художник, Голицын.*

Я люблю стихи Вознесенского.

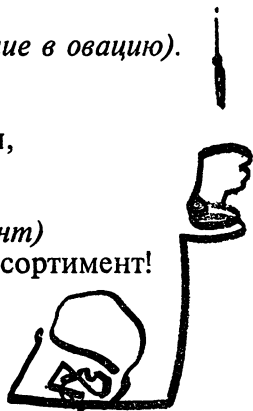
— *А еще что ты любишь?!*

— *Еще Маяковского...*

Еще хрен с морковкою.

Еще опята — трупики лета.

Еще пудинг.

И паста в баночке.
Коньяк не допит, но запит.
(опять к поэту)
— В тюрьму мы вас сажать не будем.
Завтра получите паспорт!
И катитесь к чертовой бабушке!
К своим...
Вам нравится Запад —
пожалуйста!

Я засыпаю от тепла и жалости.

Засыпаю под ор трафаретный.
Мне снится бешеная тоска —
обида непризнанного поэта
на принца, пришлого новичка.

Не все развалил он при спешке вечной.
Дурной премьер. Деловой зампред.
Но никто не утешил его сердечно:
«Никита Сергеевич, вы — поэт!»

И он прослезился бы так нелепо...
Он не был знаток кукуруз и реп.
В нем жил Поэт, реформатор рэпа,
ужастика в стиле «рэп».

ООН просвещал он туйфлей, поддатый
колхозный сюрреалист.
Не зря оппонент написал когда-то:
«Хрущев восхищает меня как стилист».

Любой человек не рожден бездарным.
Не всякий нашел себя как поэт.
И рэп с бэкграундом берестяным
поймут, как и я, через много лет.

Отснились, как сон, «анти — парти — анти»...

— ПЕРЕСТАНЬТЕ! —

(Ты вбегаешь и вырубаешь кассету.

Твои бедра обтянуты в сетку,

как на бутылке «Кьянти»)

И в морозилке не партизаньте!

Ах, у нас гости?! И у них ключи?

Сам плеер включился? А ты — отключи.

Нужна не милиция, а врачи!

Милый, прости меня! Доброе утро.

Как пить хочется! Есть цикута?

(снимает прикид с воланами)

Где я была? Да все время в ванной.

Лежала в глубоком обмороке.

Понимаешь, вошла, как всегда, смиренная.

А он там сидит.

Я думала — бандит.

А он — оборотень. И гляделки сузил.

И тот же бессмертный жест.

(см. предыдущий текст)

Я всегда говорила, что наш санузел
совмещен с иным измерением...

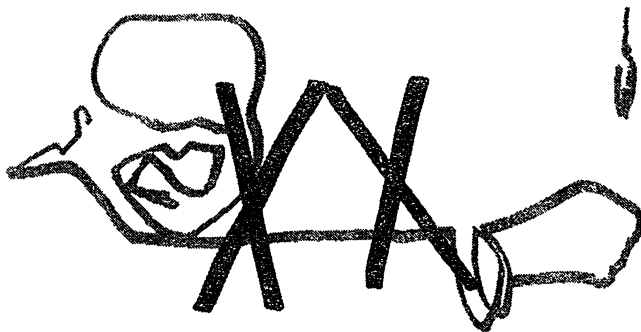
Как новый век зануден!

Хочу в другой миллениум.

(идет к роялю)

Где тут педали?
(крыло подымается)
Улетаю!
Без меня тут парьтесь!
Нет, я не пьяная...
ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ
ФОРТЕПЬЯНО!

*(доносится рэсодия и одномоментно
бурные продолжительные аплодисменты)*

* * *

Все товарищи сегодня — господины.
Над попсиною страной наискосок
голосина стонет, голосина —
с ним навек мой волосиный голосок.

Кто обидел и кого обидели
над землей сплетенные летят.
Виноваты только обвинители.
Разве виноватый виноват?

ЦЕРКОВЬ В ПЕРЕДЕЛКИНО

Сколько охры и иных подарков
в души поотряхивает нам
сельскосердный колычевский храм —
золотая осень патриарха.

И взирает нищенский костыль,
И, взметнув глазурные сервизы,
кружится винтообразный стиль
патриархального сюрреализма.

Падшая листва — как нашатырь.
Радио играет «Рио-риту».
Патриарший ждет автомобиль.

* * *

Плачет младенец голенький.
Храм возведен разрушенный.
Боже, прости Раскольникову
еще миллион старушек!

Молятся две пеструшки
Ему или двум разбойникам?
Боже, прости старушке,
что соблазнила Раскольникова!

ПАМЯТИ РИХТЕРА

В номере Рихтера однокомнатном
жил я. Он некогда жил в Барнауле,
таинством Рихтера terra инкогнита
клавиатурою боронуя.

Родина Рихтера — terra инкогнита,
И не Россия, и не Германия.
Бабочка билась в набыченном коконе
не для обычного понимания.

Веки прикрыв, Вы блаженно принохивались
к звукам, подобно ирландскому догу.
Мухами пахло, жизнью синюшной...
Недогматично Вы слушали Бога.

Вы пронеслись, Святослав Теофилович,
отсветом фар на общественных мордах.
Официозные некрофилы
любят лишь мертвых.

Помню: зима, Пастернак, Переделкино.
Вами любимого Гайдна в Страстную

пятницу я вопреки беспределу
в Консерватории зарифмую.

Вы миллионную вазу раскололи
перед инспектором из посольства.
Музыка Рихтера — terra incognita.
Жил гениальный рыжий подсолнух.

Рыхлый снежок, как и Вы, гениален.
По шкале Рихтера мы выживали.
Магию рихтеровских готовален
спрячет Господь черной крышкой рояля.

* * *

И ни злата, ни серебра
меж обманчивого пространства —
я нашел, наконец, себя.
Неужели время прощаться?

Время шпорами торопя,
оставляя залы в прострации,
я в тебе отыскал Тебя.
Неужели пора прощаться?

14 АПРЕЛЯ

Меж вождями в теплых портянках
одного только ждал поэт —
когда руку ему оттянет
комфортабельный пистолет.

* * *

Берестяная пенка дров.
Камин. Голландская зола...

Спасал его Бенкендорф,
а любимая не спасла.

Е — МОЕ

Моя нога
утопает в цветочном ложе.
Мои два соска
шулеруют, как два бубновых туза.
Я их собственник, а может, заложник.
Не читай по ночам — не порти мои глаза!

Мои ягодицы
высочайшей кондиции.
Под моей рубашкой подрагивают при ходьбе.
Все это в различных позах
в зеркало Твое глядится.
Когда я ими не пользуюсь, даю поносить Тебе.

С Твоей ногой обстоит дело хуже —
не такая красивая, но зато немного крива.
Ты ходишь без шапки, а я простуживаюсь.
В моей голове болит Твоя голова.

* * *

Все звучнее и ночнее
тишина без берегов —
полна тайного значенья,
как российский гимн. Без слов.

* * *

Ежедневно,
как бронезилет,
я поддеваю белый скелет.

На ночь вежливо
вешаю его сушиться к шубам на вешалку.

Пришла Верка.
Надела сверху,

растянула позвонки,
подмигнула: «Позвони!»

Теперь я — как инвалид войны.

Для вас — бред,
а для меня — нет.

УТРО

Охранник,
закрутив свой краник,
пил пиво.

Другой, архаик,
ублажал свой храмик.
Прива —
тизация — это красиво.

ОПЕРАЦИЯ «КУС-КУС»

Белый, черный и оранжевый
воют! Сжавши на весу,
Я трехшерстку на Балашиху
оперировать везу.

Не кусайся. Не суд Линча.
Вновь, дворовая Монро,
будешь шастать безразлично,
как красотки у метро.

Не царапайся, не надо.
От волнения румян,
шприц наполнит ароматом
врач по имени Роман.

Между ваты, мяты, мата
возвышающий обман.
Мята — мятамятам — я там...
Ах, Монро, Монро — Роман...

ДЕМОНЫ

Крылья мерзкие слышу,
хоть я к ним не готов.
Как летучие мыши —
перепонки зонтов.

* * *

Кречет не квохчет.
Споет мне, увы,
клетчатый кочет
без головы!

СИМФ — 9

**Сифилитичка делала дитятей —
у страхолюдин губы, как диван.
Восемь из них — дебилы. Но девятый
был Людвиг ван...**

**Живу среди дебилов и диковин.
Глухонемые воют в шапито.
Я знаю, что один из них — Бетховен.
Но кто?..**

ЧАТ ВИФЛЕЕМА

Все пути ведут в Вифлеем.
Не достать в Рождество билеты.
Два напрасных тысячелетья
возвращаются насовсем.

Люди, ироды и волхвы,
мы в обратное вступим время.
Мы с Тобой летим к Вифлеему
окружную трассой Москвы.

Настоящее неприем —
лимузины слепы, как филины.
Назад крутятся кинофильмы.
Коммунисты идут в Вифлеем.

Мы устали от перемен.
Провалились в подвал Ипатьева.
Люди спрыгивают с распятий —
возвращаются в Вифлеем.

Благовещенье позади.
Белоснежные влет и вылет.
Голубь ей говорит: «Роди,

родиродиродиродИродиродирод —
Ирод...»
«Все равно,— говорит,— роди».

В Вифлееме идут ученья.
Предрассветные голоса.
И заплывшие, как пельмени,
продирает Ирод глаза.

Но сияющий взгляд Отца
озарял темноту пещеры.
Стала ласковым акушером
ионическая овца.

И Мария пирог кошерный
приготовила из овса.

МАМА ЕЛА «РАМУ».
МАША ЕЛА КАШЕ...
ИРОД — РОДОНАЧАЛЬНИК ФЕМИНИЗМА.

Ослепленные соплемен-
ники ржали, мычали, бляели.
Минареты кричали белые:
«Вифлеем! Вифлеем! Вифлеем!»

И миллениумы вдали
чуть посвечивали, воздетые,
словно три кольца у кастета —
крепко спаянные нули.

Век сменялся. Народ смеялся.
Репетировали. Меж тем
продюсирующий Смелянский
в уста Богу влагал рефрен.

В топ-толпе среди топ-эмблем,
муэдзинов и лиц, одевших
златотканые прозодежды,
уходящие президенты
попрощаться шли в Вифлеем.

Возвратим дары в Вифлеем.
Что Россия несет? Царевича?
Или Черный квадрат Малевича?
Голос, радуясь и жалеючи,
объявил подошедшим:
«Девочка».
— Вив ля фам!

...Спит Она, младенец совсем!
Сохло вафельное полотенце,
Словно соты медовые. Сердце
колотилось на весь Вифлеем.

И Мария молилась всем.

«ЛАДА» С ТОЛСТЫМ СЛОЕМ ШОКА...
ОТ РЯЗАНИ ДО ЗАИРА — ЗА РОДИНУ,
ЗА ИРОДА!
ОВЦА — В ОВСАЙДЕ.

А на улице, как курсив,
шли волшебницы, елки, леди...
Здравствуй, женское тысячелетье,
пуповину перекусив!

Что душа? Филиал Вифлеема.
Помню, я стоял под звездой.

* * *

На закате плещет мою нишу
нищими рубинами волна.
Я тебя сравнением не унижу,
нищая любимая страна.

У меня просроченная виза.
Тебе будет проще без меня.
Жаль, что я, Россия, не увижу
твои золотые времена.

* * *

Был он гений и гуляка.
И болтался на ветру,
как английская булавка,
нос, приколотый к лицу.

Кто сознание нам прикнутил?
Бог иль Нобель?
Кто косою
Свел конструктивистский шнобель
с альтмановской стрекозой?

Чья в столетиях блукала,
как пружиночка, ноздря?
И ворочило белками
Твое сонное «нельзя».

Фары темноту буравили.
Людам было не понять.
Просыпались под Буланову.
Просыхали. И опять

пили ром. Курили травку.
Раскрывался на весу,
как английская булавка,
сон, пришпиленный к лицу.

* * *

Мы тайну не угробили.
Как черные коты,
визжат повсюду мобили,
подняв свои хвосты.

ЧУМНАЯ ЧАЙНАЯ

**Ни вольный битл, ни господин
Ульянов,
не прерывайте водный дым
кальянов!..**

**Я после с жизнью разберусь...
Но кто-то в чайную
вошел, высокий, как Эльбрус,
в чалме молчанья.**

ТЕЛЬМА

Может, в небе опрокинут рыбный сейнер?
Тельма сыплет на мотель и на детей.
Сторожил здесь не слышал о рыбке-тельме —
тельме — тельметельметельметель — метель.

Трахнут тельмой замороженной по темени.
Накормил Христос нас тельным в рыбный день.
Телекамеры работают по теме — тельме —
тельметельметельметельметель.

Скользят шины по серебряной рыбешке.
На носу чешуйка — пирсинг. Молодей!
Тут с проблемами своими загребешься!
И в добавок эта рыбная модель!

Отменили в клубе Тельмана коктейль.

Мы коптилку заготовили в котельной,
чтобы под местный дегустировать Мартель.
Только лужица лежит в память о тельме —
тельметельметельметель — метель.

СЕ ЧАТ

Се-лекция павианов.
Молчание — се-ребро, а слово — Ева.

Се-верный Руслан.
Се-мена прошлого и будущего.
Се-литровую дыней пахнет ночь.
Се-розеленые Твои просыпаются.

Полные су-се-ки.
Се-далищная мысль.
В-се новости пересохли.
Се-розеленые Твои распускаются.

Се-Че.
Се-я Тельман.
Се-ул есенина.
Се-льдинакомыслия.

Се-розеленые твои полны слезами.

Се-неказистый.
Се-ретроспектива.

Росейская беседа: «Хусейн я...»
Все в...

Се-ван Гог.

Се-дой Козлов.

Се-розеленые Твои поплыли.

Се-ксерокс с Ангелов.

ПАЛИНДРОМ

В завершении, как на грех,
вдруг исчез орех кедровый.
Нет орехов — оворех —
нету слова...

Все идут противу всех,
ни хавроньи, ни коровы...
— Как живете?
— овореХ...

* * *

Чувственный, словно Фауст.
Докрасна раскаленный куст.
Август. АГВ уст.

ТЕТЯ ДАША

Тетя Даша меряет мне давление.
Стягивает повыше локтя.
Шнур, накачивая воздух,
соединяет руку с черной грушей.
Вена вздувается.
«Отвернитесь»!
Чувствую, что-то вошло в вену.
В висках застучало. Процесс пошел.
В зеркале я вижу, как у меня на лбу
бежит цифровая дорожка.

Я понимаю, что это не груша,
а компьютерная «мышь».

Ох, не простая это тетя Даша.

КУРСОР

Я — корсар иллюзорный, не мяса кусок,
я — курсор.

Я, как солнечный зайчик, блуждаю в улыбке
Гульсор,
я — курсор.

В Троекуровке взрыв. Прискорбно.
НЕ ПРИКУРИВАЙТЕ ОТ КУРСОРА!

Одна девушка из Кусково
на третьем месяце от курсора.

Не усоп Куросава, светлячок его бьется опять...
Не понять,

что, дрожа, ищут мною Господние пальцы и взор?
Я — курсор.

ТИШИНКА

Я вышел ночью на Тишинку.
Над рынком плавала снежинка,
светясь тычинкою курсора.
Гульсор уснула и Урсула.
Уснуло все. Во сне куснула
себя собака. И уснула.
И даже Ты свой взор смежила.
Одна курсорная снежинка
искала в буквенном табу
грузинско-русские дабл ю.
Нодарий пел. Гребли кого-то.
Но далее, за поворотом
зияла Грузия. Сия
сияла тайна бытия.

ПО-СЫРОМУ

**Жизнь была тюрьмою.
Сосовым был социум.
Только в натюрмортах
пробивалось солнце.**

**Алый был любовью.
Плакал аметистовый.
Золотой любому
объявлял амнистию.**

**Заплывал Блаженный
в наш салон сиротский.
Цвел Твой взгляд волшебный,
будто по-сырому...**

* * *

Выдалось лето жаркое.
У самого моря, впуски,
с тобою мы, взявшись за руки,
бродим, как запонки.

Мы вдеты не только в лето —
в незримую благодать.
Необъяснимо это.
И надо ли объяснять?..

* * *

Делиб — дебилам,
Массне — кутюрам.
Нас победила
масснекультура.

АЗБУКА

**Как толпа ни вопит, затрудняя шаги,
век срезал кошельки лианозовских школ.
Почти весь алфавит от — Айги до Шойги —
я душою прошел.**

**Я компьютер грузил, как мартын Ламартина.
Но по счастью, я больше с соседом знаком,
что закусывал водку ненормативным
русским, сочно нарезанным языком.**

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Жизнь завистливым данайцам раздари!
Не цари, не скопидомы, мы — жюри.

Дрожь ресничек, точно лапки паучат...
Лучше премии давать, чем получать.

* * *

Нас дурацкое счастье минует.
Нас минуют печаль и беда.
Неужели настанет минута,
когда я не увижу Тебя?

И неважно, что, брошенный в жижу
мирового слепого дождя,
больше я никого не увижу.
Страшно, что не увижу Тебя.

ЧАТ СТРАХА

1

Когда Страшный Суд накинёт мантию,
к небу вскинут руки, как один —
как Собор Парижской богородицы —
русские дома без середин.

2

Рухнувшее столетие.
Рухнувшие дома.
Женщины всмятку, дети...
Богородица сошла с ума!

Любимой пройдёшь Москвою,
во встречных плеснет глазах
единственное живое,
что в нас остаётся, — страх.

Страх едет с мешками сахара.
Запружена страхом трасса.

— Откуда арбузы?. Из Астрахани?
— Из страха!

3

Как кегли, летят балясины.
Я ора на весь Союз
царского не боялся.
Но за тебя боюсь.

Боюсь, что поедет крыша
на зыбком твоём этаже.
Ты говоришь мне: «Слышу,
мой таймер включен уже.

Боюсь я домой вернуться,
спуститься боюсь в метро.
Ручку боюсь дверную...
Где ж русские Пуаро?»

**СТРАХ УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ.
СТРАХ ПОРЯДКА ПРОВЕРЯЕТ МАШИНЫ
НА АВТОСТРАХЕ.
АТИЛЛА ПРОВЕЗ СТО КИЛОГРАММ
ТРОТИЛА.**

Взрывчатку везут пудами.
Мы строили второпях.
Надеемся на фундамент.
В фундамент заложен страх.

**ГДЕ ПАНКИ СТРАХНУЛИСЬ — РАСЦВЕТЕТ
МАНДРАГОРА.**

**А-ГРИБ — ЭТО БЕЗГОЛОВЫЙ СТРАУС СТРАХА.
ВРЕМЯ — ЭТО СТРАХ ПРОСТРАНСТВА.**

**Рухнувшее столетие.
Заваленных Бог не спас.
МОЛОДЕНЬКИЕ СТАРЛЕЙТЫ,
ОДНА НАДЕЖДА НА ВАС!**

**Распяты два авторитета
рядом с Господом на крестах.
С афиш XX века,
двоясь, проступает: страХХ.**

4

**Теракт — терактерактер — актер,
всегда невидимый, утек.**

**Чеширский кот. Каширский код.
Но девочка сейчас умрет.**

КНИЖНАЯ ЯРМАРКА

Не хочу быть раритетом.
Не хочу, чтоб грамотей,
будучи Авторитетом,
меня прятал от детей.

Не хочу, чтоб шрифт на рынке
дегустировал гурман,
точно черные икринки,
черный мак или уран.

Я хочу больших изданий,
как газета и журнал,
чтобы мальчик на свиданьи
меня снизу подстилал.

* * *

Их предают земле скорей,
сломав на кладбище цветы.
Все предают учителей.
Только не ты.

* * *

В слезах, когда просыпаюсь,
пойму, что береза — это
размятая Божьими пальцами
последняя сигарета.

МАГАЗИН «МОСКВА»

Вентилятор — нелетающий пропеллер.
И тревожно, честно говоря,
что стихи мои опять бестселлер —
«Лучшая продажа февраля».
Лучшая февральская обманка,
Том-фантом за 42 рубля...
Снег обескураженно обмякнет —
лето в середине февраля!
Я читаю, одинок как мамонт,
след от шин, как зубчики Кремля...
Вновь надежда нас продаст, обманет —
лучшая продажа февраля.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТИТОМНИКУ

Остаюсь у разбитого очага,
пусть везучий, пусть даже известный слегка,
в жизни сучьей я вытаращу зенки.
Я — сегодняшний шов, где сомкнулись века.
Я — з/к языка.

Остаюсь вечно ваш непокорный слуга

Арзюменко

П. С.

**На все юнески и гринпис
Бельгийский мальчик отвечает: «Псс...»**

**С ним Русский мальчик состязается
в стране былин:
гринписдецентрализация, блин!**

ДЕВОЧКА С ПИРСИНГОМ

* * *

**Не гадайте над Девочкой с персиками
с тайной мамонтовско-серовской.
Разгадайте девочку с пирсингом,
проколовшую сердце сережкой.**

Как жива ты в нашем паноптикуме,
фиолетовый стригунок?
Нос похож твой на флейту с кнопками —
только нет подходящих нот.

ПИРСИНГ — ЭТО БИСЕР
ИНДИВИДУАЛИЗМА.
ИСКУССТВЕННЫЙ ХРУСТАЛИК —
ЭТО ПИРСИНГ ЗРЕНИЯ,
ВСТАВЛЕННЫЙ БЕЗ НАРКОЗА.

ГВОЗДИ — ЭТО ПИРСИНГ ХРИСТА.

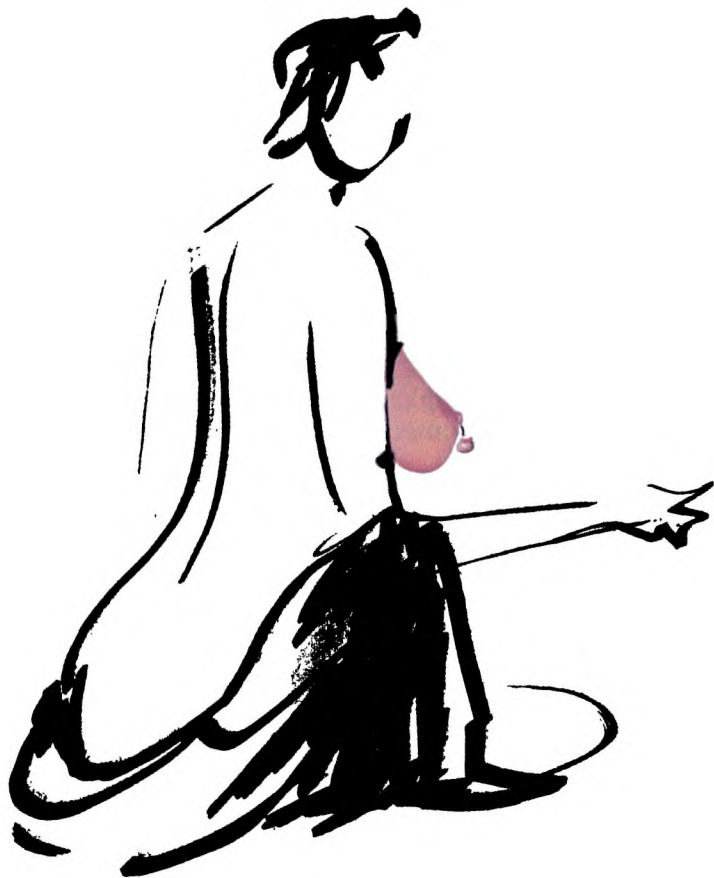
— Пирсинг — наркота «ДЕ БИРСА».

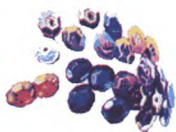
ТАТУ — это грибница пирсинга.

ПИРСИНГ — ЭТО ВОЗБУЖДЕННАЯ
ТАТУИРОВКА.

— Они кровопийцы, они мормоны...

Девочку с пирсингом звать Мамонова.

* * *

Познакомься, Нинон Мамонова!
Слишком рано познала ты
неокрепшей душой манонской
изуверский кайф Красоты.

Занимай пустую вакансию!
Героинка Времени — ты.
Чтоб сломали, цветет акация —
провокация красоты.

Трудно школьнице, да еще шкоднице.
Сейф брильянтов в носу носи!
Раньше обрубали пальцы с кольцами,
теперь срезают носы.

**ВМЕСТО ПЛАСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ
КОЛИТЕ ДЫРКИ ДЛЯ ВЕНТИЛЯЦИИ.**

Пейте пильзенское пиво!
ПИРСИНГ — ЭТО КРАСИВО!

Мы красотой опирсингованы.
Конь Блед — серебряными подковами,

поля шурупамии васильковыми —
опирсингованы, опирсингованы.

Запеленговано Иговою,
шпунтами сердце опирсингованно.

Иконы наши опирсингованы.
Пупок спел голосом Преснякова.

Души жемчужины — не только говны —
опирсингованы, опирсингованы.

Лик — как картофелины Прасковьины
ростками белыми опирсингованы.
*(лично я пирсингом не балуюсь,
но интересуюсь ростками будущего)*

Неужто вилами забьют крестьяне
опирсингованного Себастьяна?

**НЕ СДИРАЙТЕ РОДИНКУ ОДИНОЧЕСТВА!
ОРДЕН — ЭТО ПИРСИНГ СОВЕСТИ.**

Алкашка мама твоя — торгашка,
страну назад и вперед толкавшая,
торгует мангами и лимонами,
вместо Мамонтова — тов. Мамонова.

Соседка клялась, уродина,
что видела тайну мамину —
левый сосок, опирсингованный орденом
Трудового Красного Знамени.

А прадед Мамоновой был полярник,
которому довелось
на полюсе лампой паяльной
подправить земную ось.
*И в такой семье такого выроodka
взрастили!..*

Не чтит твое окружение
лица ненормативное выражение.

Пугаю процентом преступности века...
Ты мне говоришь: «Смотри!

**% — это пирсинг левого века
и правой ноздри».**

**КОГДА В ПУПОК ВСТАВЛЯЕШЬ ТЫ ВИЛ-
КУ ТЕЛЕВИЗОРА — ПО ЛИЦУ ТВОЕМУ
ИДЕТ ПРОГРАММА**

«В МИРЕ ЖИВОТНЫХ».

**Святыни не трогать!
ПИРСИНГ — ЭТО ПУШКИНСКИЙ НОГОТЬ.**

* * *

ЯЗЫК МАМОНОВОЙ — как у детей.
С нами — На⁰ми. Ее пуп — ОК!

Я Москву.
Ж.П.Готье — на попе дек⁰льте.
Боди-арт — БОЭБОБИ а⁰рт.

Опирсингуем кандидата в Президенты!
(бурные аплодисменты)

Пошли вы на .

От ответов твоих поежишься.
Ты не жалуешь словари.
Так булавки торчат из ежика.
Тоже пирсинг. Но изнутри.

* * *

**ОПИРСИНГОВАННЫЙ ПОРОСЕНОК
ВЫИГРАЛ «PANASONIC».**

Он поставил, новичок,
с дырочками пятачок.

Ах, Мамонова, по-булгаковски
новый век, в куски разрубя,
как безумный портной, булавками
примеряет Тебя на тебя.

Каждый атом анатомии
в тебе хочет автономии!

Окольцованы, как птицы,
брови намылились за границу.

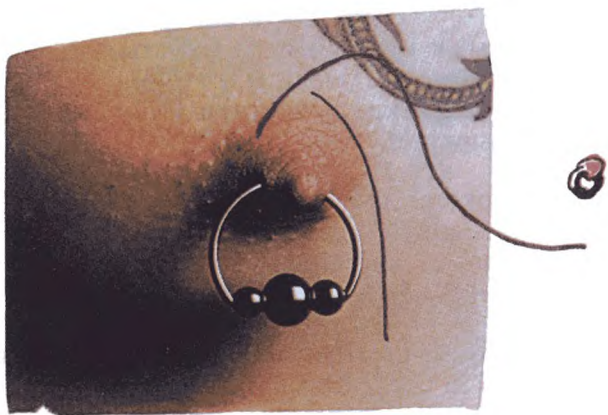
Принц Альберт выжимал гантели.
Автономные губы пели.

Куда убег
опирсингованный пупок?

Согнув спину в безумном рейде,
ухо едет на велосипеде.

Два других играют в пинг-понг.
Душ души обдал кипятком.

Ну и перси!
Дрожит колечком, как милицейский свисток,
опирсингованный сосок.

* * *

Преследуемые ОМОНОм
вдоль темной Москвы-реки
несутся Нинон Мамоновой
опирсингованные куски!

А ты, как дорожные шахматы,
вставляешь, умелица,
шамаханские штифтики махотные
в дырки едущего лица.

Проколи иллюзии шилом!
Анекдотом с детьми махнись.
Садомазохистские страшилки
лучше, чем наш садомазохизм.

Поколение Пресли? Поколение Пепси?
Что за бред! Каждый Лир — инфант.
У поэта на сердце пирсинг,
принимаемый за инфаркт.

Обнимая в ночную пору
Тебя, как велит инстинкт,

в себя втягиваю сквозь поры —
пирсинг?

Спи, раскрывшейся апельсин...

Спи. Забудь криминал рубильников,
И темных орлов крыла...
**В УХО МОСКВЫ РУБИНАМИ
ВОНЗИЛСЯ ПИРСИНГ КРЕМЛЯ.**

* * *

СССР — ЭТО ПИРСИНГ РОССИИ.

СИНГАПУР — ЕВРОПИРСИНГ АЗИИ.

— Общественное безобразие!..

**ПИРСИНГ — ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКО-
ЛЕНИЙ — ПИРОСМАНИ, ДЖАГГЕР, «PRODIGY».**

«Я — московская папуаска!

Не путана на пуантах.

Попугавши вас, несу
словно бритву — безопаску,
три отверстия в носу».

* * *

В левом ухе — про дожди,
в правом — «Prodigy».
В левом рэп — в правом баркарола.

— Мама, я проколола!

— У, какой пирсинг у прокурора!

— Мама, я проколола...

— Дочка, заткни и радуйся.

t° — это крест под градусом.

$37^{\circ} 38^{\circ} 39^{\circ} 40^{\circ}$ $^{\circ}$

Императорская температура —
в тебе пожар, в Москве пожар.

— Мамочка, я проткнула
земной шар!

Бред!

Принц Альберт напряг свой арбалет.

Вздулась с кольцами щека,
как гранаты чека...

Врач говорит: «Старуха,
у вас пирсинг среднего уха».

АЛЬБЕРТ ВСТАВИЛ КОЛЬЦО САТУРНА. ДАМАМ ДУРНО!

**У Альберта, первокурсника,
ухо, как билет, прокусано.
Он качок. Он ищет Скарлетт.
Курит. С праной соотносится.
Зато дым он выпускает
через пирсинг переносицы.
Кружатся колечки дыма.
Вдень в себя колечки, весел,
чтоб как штору нас подвесил
ангел неисповедимый.**

ПИРСИНГ — ЭТО ПИРОТЕХНИКА ТЕЛА.

Не везет тебе, девочка, с пирсингом.
Оклемалась. И вновь ЧП...
Иванова гуляет с песиком.
Ты же — с крысою на плече!

В метро отрубятся гримзы.
Вагон накрылся газетой,
когда с персональной крысой
войдешь ты — с живой горжеткой.

— Крыса подпольная, крысонька,
люблю тебя без ума!..
Провокация круче пирсинга —
чума!

Не травите в лаборатории
Божьих тварей! Бедная крыска...
Молчать о своей истории
крыса-бабушка дала подписку.

Посадили в ведро крысу-бабушку,
посадили врага на ведро.

И несчастная, в плен попавшая,
прогрызает ему нутро.

Как мучительно прогрызаться
через воющие кишки!..
Человечья цивилизация
развивается вопреки

миру Божьему и животному.
Все теснее тюрьма-ведро.
Ты с насмешливой зевоткой
озираешь людей в метро.

**ПИРСИНГ ИНТИМНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА —
ПРИВОДИТ К СПИДУ.**

* * *

Как электропила визжащая,
озверевшие от тоски,
прогрызая цивилизацию,
не свои ли грызем кишки?!
Провоцируй, Нинон Мамонова!
Но улыбочка все трудней.
С визгом ввинчиваются вагоны
к концу света, через туннель.
Не кусайте девочку, пресса.
Не давите заботливым прессингом.

ВЗРОСЛЫХ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ.

ОПРИЧНИНА – ЭТО ПИРСИНГ ПСИНЫ.

* * *

Ни поэта. Ни атлета.
Ни усталого лица.
Только серебро нетленно.
И не окисляется.

Только в уши можно золото.
Речь лицо приобрело.
У меня душа проколота!
Только слово — серебро.

Разбухало, бревна словно.
Кашку ешь на молоке.
Но серебряное слово
холодит на языке!

Ранка зарастет целебно.
Сбросив тело, налегке,
человека след серебряный
остается в языке.

Выйду в ночь. Луна над пирсом.
Перископ — как моря пирсинг.
Нет Альберта. Нет Нинон.
Побежали за вином.

УХО ИСКРИТ. ИСКРИТ ВНУТРИ.

ГИМН ПИРСИНГА

**Хватит, малыш, краснеть!
Смейся как проиджист.
Боль. Секс. Смерть.
Это и есть жизнь.**

**Интернационал,
черный и голубой,
секс и смерть повязал.
Это и есть Боль.**

**Факс. ЗАГС. Сакс.
Мы ксерокс твой, ирокез!
Смерть. Боль. Секс.
Death. Pain. Sex.**

**Мама наша — тату.
Отец — абсолютный нуль.
Незнающие табу,
мы — флейты в дырках от пуль.**

**Режет Ван-Гог ухо.
Наоми Кэмпбелл — пупок.**

**Боль — это секс духа
Death есть Бог.**

**Пей, пока ты не пень!
Стань звездным, пока ты здесь!..
Секс. Смерть. Pain.
Боль. Бог. Death.**

ПУЛЯ — ЭТО ПИРСИНГ ВИСКА.

СНИТСЯ ПЕРСУ ПЕРСУПЕРСУПЕРСОН

СВЯТЫНИ
ПЕРСИНГ-ЭТО

МЯ ТРОГАТ!
ПУШКИНСКИЙ НОГОТЪ

ПУПОК - ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

пупок!

МИР УБОГ - УЛОЖОЙ ПУПОК!

* * *

Ниночка, забудь о крыске бедной!
Разгляди, задумчивая, сон,
где на берегу кровавой бездны
сидит девочка над ножом.

Меж тобой и девочкою этой
светлячками, ссадинами слез
садомазохистское столетье,
пронеслось.

Просинело. Пророзовело.
Прозвенело в ухе другом.
Чтоб гонялись милиционеры,
словно дети за светлячком.

Стёб для нёба стал непотребным.
Извини, российский Синг-Синг.

ЛУННЫЙ СЕРП —
ЭТО ПИРСИНГ НЕБА.
Piercing.

Соловьиный джаз над бензином
резанет, как в носу колье.
В слове «piercing» необъяснимо
есть присутствующая «е».

До свиданья, девочка с piercing'ом!
Улыбнись. Сквозь блеск мишуры
удивленная Девочка с персиками
в тебе светится изнутри.

Июль 1999

ЗАЛОЖНИК НАДЕЖДЫ

*Зайчик солнечный, к нам влетевший,
с кличкой «Горби»,
кто он был? Заложник надежды
в мире скорби.*

*Распадалась супердержава.
Бум в Европе.
И надежда его лежала
в белом гробе.*

*Для толпы он — чужой, нездешний,
«чертик в колбе».
Но он лишь — заложник надежды
в мире скорби.*

Эти строки я набросал перед тем, как написать обещанную статью. В. Толстых извелся, собирая юбилейный сборник: «Андрей, имей совесть! Я уже двадцать пять раз тебе звонил, может быть, ты не хочешь? Киссинджер давно написал. Вас только двое осталось. А он одиннадцатого сентября на митинге соцпартии Германии твои стихи цитировал... А ты...»

Дело было не в этом.

Действительно, впервые я увидел М. Горбачева на каком-то приеме — светлое пятно его головы скользило между черных пиджачных групп подобно святящемуся зайчику. Люди вокруг него озарялись. Чья рука, баловства ли ради, запустила в наш сумрак этот блуждающий ответ?..

Молодой лидер с сильным биополем, заряженный людскими чаяниями, он отменил цензуру, ввел гласность в нашей безмолвной стране, Он стал воплощением наших гражданских надежд. И как всякие надежды — несбывшихся.

Он самолично, в отличие от всех предшествующих вождей, прочитал до конца «Бесов» Достоевского. Он ценил поэзию, как и другие лидеры его команды, прежде всего А. Лукьянов и А. Яковлев.

Я не стремился с ним встретиться. У меня уже был опыт близкого общения с одним из генсеков. Но (или это мне казалось) я чувствовал на себе его внимание. То на Политбюро он поддержал мою речь против памятника Черному знамени на въезде в Москву, то в присутствии Артура Миллера цитировал из «Озы». Дважды в жизни я отступил от своего правила не обращаться с просьбами к правящим особам. Будучи председателем пастернаковской комиссии, упершись в непроходимую бетонно-резиновую бюрократическую стену, я в отчаянии написал ему письмо. С тремя просьбами: открыть музей Пастернака, разрешить проведение юбилея в Большом театре и выделить валюту для приглашения иностранных гостей. Его мгновенная резолюция решила все вопросы. К сожалению, в

бесконечных пертурбациях моей судьбы бумага эта потерялась.

Второй раз во время юбилея Шагала, совпавшего с бешеной кампанией травли художника в его родной Белоруссии (как эмигранта, антисоветчика, модерниста и, конечно, сиониста) я написал еще одно письмо ему с просьбой разрешить первую выставку Шагала в Москве, в Музее изобразительных искусств. А. Яковлев передал ему письмо, и оно сработало.

Я уже рассказал об этих историях еще в то время, когда имя М. Горбачева было в угрюмой опале. И сейчас, думаю, не вредно будет все это напомнить.

И когда меня допустили в архив ЦК КПСС прочитать стенограмму речи Хрущева против меня — это тоже было по разрешению Горбачева.

Кстати, во время юбилейного вечера Пастернака в Большом театре, я так распределил билеты, что гости — члены Политбюро и правительства сидели не в окружении охраны, а среди людей, в партере — это было впервые в истории нашей страны. Секретарь ЦК по идеологии сидел, окруженный поэтами и диссидентами. Это стало возможным только в новую эпоху.

«Андрей, мы же все шестидесятники. Мы выстоим! Все будет хорошо», — сострадательно, как педагог, твердила мне Раиса Максимовна (Зоя вспоминает, что она говорила «тридцатники»). Ее парижская стрижка, элегантно строгие наряды, стройная талия произвели переворот в менталитете нашего общества, вызывая всеобщее возмущение.

После необъятных правительственных матрон, молчаливо сопящих в отдалении, ее основополагающие реплики на экране казались вызовом. «Ишь, пасть разевает! Коза, все за ним таскается. Слово мужику вставить не дает». Недавняя гибель ее вызвала прилив раскаяния. Мука его лица, искаженного слезами, потрясала.

*Что познал, отшатнувшись, Горби?
Вдруг увидел:
мертвые — знаменатель дроби,
жизнь — числитель*

Мы все уходим в этот подземный знаменатель, там все когда-то жившее человечество, число ежесекундно увеличивается. Сверху — уменьшающееся число, как на шатком помосте, будто Венеция над темной глубиной воды. И единственно, что драгоценно сейчас — это краткая жизнь людская. И увидев не лик Президента СССР, а искаженное мучкой лицо человека, наша сердобольная страна поняла его и простила. Он стал близок по этой общей боли.

В чем была его трагедия? Может быть, в авторитарном мышлении нашего народа, в том, что царь и вождь должны являться редко и изрекать короткие формулы подобно Сталину? Да и гласность, провозглашенная им, единственное наше достояние, сначала была обращена против него.

Расскажу о единственной моей беседе с ним.

В Москве, в американском посольстве, посол Джек Мэтлок давал прощальный обед в честь пре-

зидента Рейгана. Рассаживали американцы. Гостей расположили по интимным столикам по шесть человек. Год назад меня принимал Рейган в Вашингтоне в своем Овальном кабинете. Теперь мое место оказалось за столиком напротив Нэнси Рейган, которая накануне обедала у нас на даче. Кроме того, за столиком сидел Джим Биллингтон, директор Библиотеки конгресса. Кавалером Нэнси был М. С. Горбачев. Его живые темные глаза блестели, увлажняясь при виде прелестных дам. Он умело вел беседу. Я почувствовал харизму его энергетике. Ко мне он обратился на ты, что не коробило. Весело и умело хлопнул рюмку водки («Ай да минеральный секретарь» — подумалось). Он расспрашивал о музее Пастернака, о моей поэзии, он был в курсе. С чем-то я соглашался, чему-то возражал.

На столике лежала тостовая речь Рейгана на английском языке. Она кончалась двумя строфами стихов из «Доктора Живаго». Вероятно, их вписал туда скромно потупившийся Биллингтон. И когда Рейган пошел к микрофону, я сказал Горбачеву: «Михаил Сергеевич, он сейчас Пастернака процитирует». И мгновенно Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского союза прочитал мне две других строфы Пастернака. Не заглянув в шпаргалку, не спрося ни у советников, ни даже у переводчика, маячившего за спиной, — а сходу, на память. Сейчас трудно представить как я был поражен. Но сделал вид, что это обычная практика.

Некоторое время спустя я получил по почте письмо от его переводчика Павла Полажченко, с которым не был еще знаком. Он писал: «Я совер-

шенно потрясен тем, с каким достоинством вы вели себя на встрече с Горбачевым... Я первый раз в своей практике сталкиваюсь с подобной внутренней независимостью». Странное смелое письмо для номенклатурного работника, не правда ли? Со стороны я себя не видел, но, видно, сработал древний инстинкт не прогибаться перед властью. Или внутренний демократизм Горбачева продиктовал такую манеру поведения с ним.

Далее следовало ужасное — Чернобыль, Форос, распад страны. Но тогда было время ожиданий и надежд.

Чьим он зеркальцем заслан, зайчик?

Горби — тайна?

Что такие сигналы значат

орбитально?

Познав падение, пережив смерть любимой женщины, полный невероятной жизненной энергии он и сейчас остается загадкой.

Заложник надежд? Несбывшихся? И, может быть, не только наших?

ПРЕДЧУВСТВИЕ

МОРЕ

Проплыву, продышу, проживу брассом.
Проплыву, проживу, пролюблю кролем.
Под моей треугольной рукой — мордой,
словно конь под дугой, вырывается море.

Я люблю тебя, море, за то, что ты есть море.
Лишь завиджу тебя, сразу хочется снять шмотки.
Мы любовники, море. Встречаемся мы голыми.
Как в любовь или смерть. Мне милее любовь, море.

Заплываю в зеленую страсть с мола.
Миром правит amouge. А иначе берут Смольный.
«Nevermore» — над Венерой кричит ворон.
«More еще, еще more» — отвечает мое море.

То ты — Моцарт, а то корабли мочишь.
Я к тебе прилечу — в меня бросишь сервиз, Мойра!
Кто позволил тебя у России отнять, море?
Ты из нашего мора, вздохнув, эмигрируешь, море.

Проживу, прохриплю, продышу смогом.
Смою хлоркой московской из пор твой запах.
Мое сердцебиенье кому ты отдашь завтра?
Я люблю тебя, море, за то, что ты есть Море.

ВДОЛЬ МОРЯ

На закате бегу между пляжем и морем,
что барашками кажется мухомором,
мимо пляжей, которые кажутся жизнью,
мимо жизни, которая кажется пляжем,
мимо моря, которое кажется смертью,
мимо смерти, которая кажется жизнью,

пляж, который казался десяткой червов,
загорев, оказался пиковой масти,
мимо горя, которое кажется счастьем,
мимо счастья, которого, кажется, нету,
мимо розы, которая кажется чайной,
только пахнет вином, унесенным из чайной,
мимо тайны, которая кажется дурой,
мимо дуры, которая кажется тайной,
мимо тайны, которая кажется тенью,
мимо тени, оказывающейся светом,

пробегаю по кругу, что кажется волей,
меж ворами, которые, кажется, в «Вольво»,
меж собакой и волком, что кажется другом,
между дружбой, которая кажется цепью,

мимо церкви, которая кажется Богом,
мимо Бога, оказывающегося церковью,
мимо молний, которые кажутся чайкой,
мимо чайки, что вскоре окажется МХАТом,
мимо молний с копьём, как святой Егорий,
мимо моря, тебя растворившего моря,

полюбила, а кажется, посмеялась,
время — секс, что кажется безопасным,
пронеслась — а кажется, что навеки,
навсегда — а кажется, что напрасно.

РЕКВИЕМ

Возложите на море венки.
Есть такой человеческий обычай —
в память воинов, в море погибших,
возлагают на море венки.

Здесь, ныряя, нашли рыбаки
десять тысяч стоящих скелетов,
ни имен, ни причин не поведав,
запрокинувших головы к свету,
они тянутся к нам, глубоки.
Возложите на море венки.

Чуть качаются их позвонки,
кандалами прикованы к кладбищу,
безымянные страшные ландыши.
Возложите на море венки.

На одном, как ведро, сапоги,
на другом — на груди амулетка.
Вдовам их не помогут звонки.
Затопили их вместо расстрела,

души их, покидавшие тело,
по воде оставляли круги.

Возложите на море венки
под свирель, барабан и сирены.
Из жасмина, из роз, из сирени
возложите на море венки.

Возложите на землю венки.
В ней лежат молодые мужчины.
Из сирени, из роз, из жасмина
возложите живые венки.

Заплетите земные цветы
над землею сгоревшим пилотам.
С ними пили вы перед полетом.
Возложите на небо венки.

Пусть стоят они в небе, видны,
презирая закон притяженья,
говоря поколениям пришедшим:
«Кто живой — возложите венки».
Возложите на Время венки,
в этом вечном огне мы сгорели.
Из жасмина, из белой сирени
на огонь возложите венки.

И на ложь возложите венки.
В ней мы гибнем, товарищ, с тобою...
Возложите венки на Свободу.
Пусть живет. Возложите венки.

ШАЛАНДА ЖЕЛАНИЙ

Шаланда уходит. С шаландой неладно.
Шаланда желаний кричит в одиночестве.
Послушайте зов сумасшедшей шаланды,
шаланды — шаландышаландышаландыша —
л а н д ы ш а хочется!

А может, с кормы прокричала челночница?
А может, баржа недодолбанной бандерши?
Нам ландыша хочется! Ландыша хочется!
Как страшно качаться под всею командой!
В трансляции вандала, вандала, вандала
«Лаванда» лавандалаванда не кончится.

А море, вчерашнее рашен, дышало,
кидало до берега пачки цветочные.
И все писсуары Марселя Дюшана
белели талантливо. Но не точно.

И в этом весь смысл королев и шалавы
последней, пронзающий до позвоночника,
и шепот моей сумасшедшей шаланды,
что я не услышал:
Л а н д ы ш а хочется...»

БАЛЛАДА О МО

Словно гоголевский шнобель,
над страной летает Мобель.

Говорит пророк с оглобель:
«Это Мобель, Мобель, Мобель
всем транслирует, дебил,
как он Дудаева убил.
Я читал в одной из книг —
Мобель дик».

— А Мадонна из Зарядья
тройню черных родила.
«Дистанционное зачатъе» —
утверждает. Ну, дела!

Ну Мобель, погоди...

Покупаю модный блейзер.
Восемь кнопочек на нем.
Нажму кнопку — кто-то трезвый
говорит во мне: «*Прием.*»

*Абонент не отвечает или временно недоступен
звону злата. И мысли, и дела он знает наперед...»*
Кто мой Мобель наберет?

Секс летит на нас отдельно,
Жизни смысл отстал от денег.
Мы — отвязанные люди,
без иллюзий.

Мобеля лауреаты
проникают Банку в код.
С толстым слоем шоколада
Марс краснеет и плывет.

Даже в ванной — связи, связи,
запредельный разговор,
словно гул в китайской вазе,
что важнее, чем фарфор.

Гений Мобеля создал.
Мобель гения сожрал.
Он мозгов привносит рак.
Кто без мозгов — тот не дурак.

«Мо», — сказал Екклезиаст.
Но звенят мои штаны:
**«Капитализм — это несоветская власть
плюс мобелизация всей страны».**

Черный мобель, черный мобель
над моею головой,
нового сознанья модуль,
черный мобель я не твой!

— Не сдадим Москву французу!
— В наших грязях вязнет «Оппель»
Как повязочка Кутузова,
в небесах летает мебель
МОБЕЛЬМОБЕЛЬМОБЕЛЬМОБЕЛЬМО...

Слепы мы.
Слепо время само.

Был бы у Татьяны мебель,
то Онегину бы, кобелю,
не писала бы письмо.

КУПАНИЕ В РОСЕ

На лугу меж двух озер
вне обзора от шоссе,
как катается ковер,
мы купаемся в росе.
Ледяные одуванчики,
исхлеставши плечи все,
ароматом обладайте!
Мы купаемся в росе.
Все грехи поискупали,
окрещенные в красе,
не в людских слезах — в купавиных,
брось врачей! Купнись в росе!
Принимай росные ванны!
Никакого ОРЗ.
Как шурупчик высоты,
дует шершень от шоссе —
где тут ты? и где цветы?
он ворчит: «Ля фам шерше...»
Милые, нас не скосили!
Равны ежику, осе,
мы купаемся в России,
мы купаемся в росе.

Полосатый, словно зебра —
ну и сервис! — след любви.
Ты в росе, в росе, в росевросевросево — серва
ландыша не раздави!..

Как приятно на веранде
пить холодное «rosé»...
Вы купайтесь в бриллиантах!
Мы купаемся в росе.

СТАРЫЙ ГОРОД

Давай с тобой зашторим створки
в монастыре «Шести сестер».
Крестообразною отверткой
застыл костел.

В саду не тронуты конверты.
Не дует. Не летит пыльца.
Антверпен полон антиветром.
Мысль не выветривается.

И сад, недвижимый как и прежде,
слепыми слепками белел.
Их пустотелые одежды
хранили очертанья тел.

Обучимся обыкновенью
жить внутренне, не напоказ
в остановившемся мгновенье
неважно до иль после нас.

**Чей зрячий посох ищет руку?
О чем тоскует трансвестит?
Антропосовская разлука
в нас раковиною гудит.**

УЛЕТ 1

на деревьях висит тай
очки сели на кебаб
лучше вовсе бросить шко
боже отпусти на не

ель наденет платье диз
фаны видят мой наф-на
и на крыше нафтали
боже отпусти на не

не мелодия для масс
чево публику пуга
Зыкина анти му-му
боже отпусти на не

тятя тятя наши се
цаца папа ца мертве
леннона проходят в шко
господи пусти на ю

до свидания бельмон
инактриса пошла к

зонцы выбирают барби
Нику дали шизофре

рновскую вкушают СМИ
ад пусти меня на зап
да хотя бы в пику
enthusiasm это kitch

оба сели с свои вольв
мент проверил их доку
оказались безрабо

ердие безрукой Милос
тронь фонариком мне ну
много в человеке те

политически ужо
единенье каждый раз
сколько жен/ударов в мин
я кричу что гибнет росси

боже отпусти на не
лампа-жизнь разбилась попо
ты не оправдала меч

боже отпусти на не

УЛЕТ 2

манит в дорогу ту
дьявол или Госпо
дамочка шла по во
гала-загадка ша

духу можно по воз
зьяме по воздуху нель
знание это собла
гала загадка Бо

тетъ разреши уле

за волгу нужна ви
военный и тот раздво
шиш куда улети
любимая хочет пу

на тишине шума
in сша улетает кис

лампочками мига
гала-загадка Бо

рэмбо правнук рембо
боди душу осво
милая сердцем пой
гала-загадку Бо

тает в лобовом стекле
тайный ангел не уле

шкаф плывет когда я лягу
ревность вызывает птица
отекаешь после диск
гала-притяженье Бо

инакомыслие заскока

тает подо мною ле
«итит твою — шепнут — улет
ета ваши-то лета»

ганушкин сказал а хули
мы навеки подсуди

тает в августовском гуле
анаграмма леди Ди

ИСПОВЕДЬ МОРДОВСКОЙ МАДОННЫ

Прости, Господь, свободу нашу Пиррову!

«Поздно, Господь. Прожектора врубили.
Мне дали денег за стриптиз — мешок.
За проволокой лагерь мастурбировал.
По проволоке пропускали ток.

— Давай, давай! — вопили. Над Россией
шел звездопад.— Давай, давай! —
Аж автомат на вышке разрядился.
И мат татуированных секс-символов
клубился, как девятый вал.

— Давай, давай! — ревут лесоповалы.
Им снились семьи, снилось Косино.
— Давайдавайдавайдавайдавайда...
Причем тут Вайда? Шло мое кино.

Я доставала их дистанционно —
аж голубые перековывались!
Ни Пугачева, ни Мадонна
не испытывали такого.

— Давайдавайдавайдавайдавайда —
им снились их зарезанные свадьбы.
За баб я мстила. Кто-то ржал, кто плакал,
как будто лез на волю по столбу.
Я ненавижу тебя, лагерь.
Еще не зная, что люблю.

Давай, мой лагерь! Я — твой путь к свободе,
Когда душа сквозь тернии, сквозь срам
из тела вырывается, из body
к Прекрасной даме, недоступной нам.

Мы все — дивайдид вайдавайдавайда,—
сливаясь в стоне «шайбу! шайбу! шайбу!»
Покрыла урку Блока бледнота.
В интеллигенте разразился вандал.
Аида, но не понять — куда?

Ай да сеанс! Давайдавайдавайда...
Я ощущаю на себе, грязна,
инога режиссера под кувалдой
томящиеся в лагере глаза.

Кавказцы, россияне и прибалты,
любите небо, сбросивши ножи!
Летите в тучах, дирижеров фалды!
Динамики, с турбазы подвывайте!
Я отдалась народу под Вивальди.
Искусство — мастурбация души.
Честнее всенародно, чем приватно.
Господь, прости меня и накажи.

Зачем, скажи, для денежного форта
Меня ты отдал дьяволам ночи?
В тайваньских джинсах, тайной замордованной,
пройду я, безымянна для людей,
став неизвестной копией Мадонны,
порн — но звезда мордовских лагерей.

Меня потом искали люди зоны,
в мечтах озолотив или зарезав.
Крутились диски телефонов.
Крутились диски мерседесов.
Дышала ночь острогом сладострастья.
За жизнь я мужиков имела — класс! —
но с ними не испытывала счастья...
Я отвлеклась...

Когда ж прожектор вырубил затейник —
— «набисдавайдавайдавайнабис» —
я подожгла мешок проклятых денег.
Взвыл лагерь. Продолжается стриптиз.

Пылает тело в свете грязных денег...
Паришь дистанционно Ты,
как недоступное виденье,
как гений чистой красоты.

Потом сквозь давку и асфальты
идешь одна на фестиваль
и слышишь: «Вайда, вайдавайдавайда
вайдавайдавайдавайдавайдавай».

* * *

**В нас Рим и Азия смыкаются.
Мы истеричны и странны.
Мы стали экономикадзе
самоубийственной страны.**

* * *

**Вот и сторел вроде спутников,
кровушки нашей отведав,
век гениальных преступников
и гениальных поэтов.**

МАСЛЕНИЦА

Что трезвонит нам доподлинно
колокольная весна?

— Блин! блин!

Полблина! полблина!

четверть блина!

на!

Но Билибину билингвельно
откликается страна:

— Бил Клинтон! Бил Клинтон!

Пол Маккартни!

Обана!..

У Америки индейка.

Масленица нам дана.

Национальная идея

начинается с блина.

Я люблю друзей с иголки
в блинной у Тверских ворот,

где буфетчица икорочку,
чтоб блистала, облизнет.

Блин тончайший, точно кружево.
Проспиртованный при том.
Как прохожий, разутюженный
асфальтовым катком.

Масленица в преисподней.
Ахнул ведьму серафим.
Восхищение сегодня
выражаем словом «блин».

Ты — блин, я, блин,
Явлинский, блин,
я — полблина, ты — четверть блина

Ну, и блинная страна!

ЧУВСТВО

Падали, хрипя до рвоты, ротные.
Чернозем остался на губе.
Эротическое чувство родины
прижимает, милая, к тебе.

И никелированная ересь,
месяцем пошедши на ущерб,
русский эрос — Эрэсэфэсэрос —
в небе молот скрещивал и серп.

Нержавейка озаряла серость
полосато вроде лунных зебр.

За границей шепчем, как молитву,
наш нецензурованный словарь.
Дворянин, судимый за Лолиту,
сквозь нее усадьбу целовал.

Что сегодня называем «пошлостью»,
это не свобода сатаны,
это вопли на соборной площади
потерявшей родину страны.

Холода черемух приворотные...
Из чужих, заморских пропастей
эротическое чувство родины
тянет всех в последнюю постель.

* * *

Есть в хлебном колосе,
в часах Медведицы —
не единица скорости,
а единица медленности.

Спешат, помятые,
летят режимы,
но миг — понятие
растяжимое.

Кайфуя в фугах,
спешите медленно,
найдя в Конфуции
менады Лейбница.

Скорость кометная
станет комедией,
когда ты медленно
глядишь, как медиум.

В дыханьи пахоты
у перелеска

есть медом пахнувший
зевок релекса.

Смысл — в черепахе,
не в Ахиллесе.

И нечто схожее
в любви имеется —
не в спешке скорости,
а в тайне медленности.

ХРАМ

На сердце хмара.
В век безвременья
мы не построили своего храма.
Мы все — римейки.

Мы возвели, что взорвали хамы.
Нас небеса еще не простили —
мы не построили своего храма.
В нас нету стиля.

Мышки-норушки,
не сеем сами.
Красой нарышкинской, душой нарушенной,
чужими молимся словесами.

Тишь в нашей заводи.
Но скажем прямо —
создал же Гауди молитву-ауди.
Но мы не создали своего храма.

Не в форме порно.
Но даже в сердце

мы не построили нерукотворной
домашней церкви.

Бог нас не видит.
И оттого
все наши драмы —
мы не построили своего
храма.

* * *

Смысл России в час распитий
простучит состав в степи:
наша культ-столица — Питер,
Питер — питерпитерпитерпитерпи-ТЕРПИ.

А ТЫ МЕНЯ ПОМНИШЬ?

Ты мне прозвонилась сквозь страшную полночь:
«А ты меня помнишь?»

Ну, как позабыть тебя, ангел-звереныш?
«А ты меня помнишь?» —
твой голос настаивал, стонущ и тонуц —
А ты меня помнишь? а ты меня помнишь?
и ухало эхо во тьме телефониц —
рыдало по-русски, in English, in Polish —
you promise? astonish... а ты меня помнишь?

А ты меня помнишь, дорога до Бронниц?
И нос твой, напудренный утренним пончиком?
В ночном самолете отстегнуты помочи —
вы, кресла, нас помните?

Понять, обмануться, окликнуть по имени:
А ты меня...
Помнишь? Как скорая помощь,
в беспамятном веке запомни одно лишь —
«А ты меня помнишь?»

ЦАРЕВНЫ

Эхо адское в райских кушах.
Как десантники меж ветвей,
на деревьях ревут лягушки —
сублимированный соловей.

Их пятнистые униформы
ближе к кайфу, чем Самари,
чем скрипичные, канифольные,
суицидные соловьи.

Эти сольвейговские лягухи
в соловьиных мечтах ночных
заползают девицам в уши.
Те беременеют от них.

Эти трели лягушек русских
слушать я без конца готов.
Тренированные на брусьях,
Подтянулись до соловьев.

Мы с тобой не узнаем сами,
где в отраде сердца сольем —

меж болотом и небесами?
между жабой и соловьем?

Между жизнью и умираньем,
в промежуточных снах людей...
Нутряная труба желанья
обалденней, чем Амадей.

* * *

Тьма ежей любого роста
мне иголками грозила.
Я на дух надел наперсток.
Жмет, конечно. Но красиво.

ВETERAN

**Кому ты нужен, мужичок, кому ты нужен?
Ты бил ладонью в мозжечок. Был перегружен.**

**Кому-то нужен твой кулак, кому ты нужен?
Державе, потерявшей флаг и затонувшей?**

**Обрубок двадцати двух лет
на самокатке,
ты, словно карточный валет,
верней — полкарты.**

**Тебя порвали шулера.
Что загадал ты?
Держава, что была вчера,
сама — полкарты...**

**Кому ты нужен, полвальта? Сгорел «Ильюшин».
Над раскладушкой, сволота, висят иллюзии.
Ни в МУР, ни в школу киллеров. Душа контужена!
Засунут спьяну Гиляровский под подушку
без наволочки. Бьет сосед тебя, как грушу...**

...Но где-то, как рассветный сон над Гиндукушем,
есть одинокая душа, кому ты нужен.
Не накопила ни шиша, одни веснушки.

Кому ты, милая, нужна, с такими данными?
«Ты мне нужна. А кто не «за» — получит санкцию
ножа десантного. Прости. Прорвемся. Сдюжим...»

Жизнь - шанс единственный найти, кому ты нужен.

ДЕТСКИЙ САД

I

Рассвет. Седые истуканы.
Сны у кровати.
Начальницыны зубы из стакана
улыбкой розовели, как креветки.

II

Дети любознательны.
Ловили кошку.
Сбрасывали с десятого этажа.
Зарывали. Через пять дней бережно отрывали
щемящий изяществом белый скелетик.

III

- 1) Привяжите мясо к леске
- 2) Дайте заглотать Жучке
- 3) Тащите из желудка
Шутка
- 4) Чем жутче,
тем интересней.

IV

Когда Наполеон скрещивал на груди руки,
в Москве происходило короткое замыкание.

V

Муж тети Клары имел единственный в квартале
презерватив.

Утром стирал его в умывальнике.

Мы, найдя его, мазали изнутри горчицей.

Ждали, пока после полуночи из комнаты
Берты Львовны раздавался звериный вой.

ГИБЕЛЬ НАРКОКУРЬЕРА

*В белом сахаре калинка, кровинка моя...
в саду ягода калинка малинка моя...*

Ягодицы как Кандинский полыхают от огня.
В мотоцикле без глушителя отдыхают стремяна.

Спать положите вы меня.

Проводите гимном Глинки
с криминального Кремля.
Кокаин, кокаин — кокаинка моя...

Я давал надежды дозы
в вашем гибнущем саду.
Я возил студенткам грезы
в plombированном заду.

Но в прямой кишке, как мина
увлекая в беспредел,
лопнул столбик кокаина —
мой любовник-миллионер.

Заждалась твоя калитка,
очи цвета чая Липтон,
и к косыночке прилипли
две кровинки комарья...
Украино-Сан-Доминго, непоимка моя.

Вера в желобе сгорела.
Накрывается жених.
Помяни наркокурьера,
молодой таможенник!

Помяните бестолкового.
Говорили главари:
«Не бери ты много в голову.
В желоб тоже не бери».

Без копыя семья в Кузьминках.
Миллионы ждут огня.
*Гори, гори, царица рынка, героинка, кокаинка
укоринка моя*

Кто в загадочной кабинке,
как и все перестрадав,
нос напудрив кокаином,
поплывет как астронавт?

Ах, студенточка — соломка,
обойдешься как-нибудь.
И Россия в страшной ломке,
воя, прет в последний путь.

Кружит рваные простынки
вьюга в белом забытии...
Справь, студентка, кокаинка, поминки мои...

ШКОЛЬНИЦА

Ревет метро, как пылесос.
Бледнеют взрослые, как монстры.
Под кокаиновой пылью
дрожали ноздри.

И это крылышко с брильянтом,
и ноздри с белым ободком
притягивались хоботком
к беде, сладчайшей и приватной.

К чему фальшивые жемчужины?
Уже поехал потолок.
И лобик, мыслями замученный...
Лети, мой падший мотылек!

Не вызывайте «Скорой помощи»!
Тот хоботок неумолим.
И ноздри с чуткою каемочкой...
Ах, окаянный кокаин!

Летишь от наших низких истин,
от туалетного бочка —
небесная кокаинистка,
набоковская бабочка!

НИРВАНА

Я сознанию учусь параллельному.
Из Сииндзяна гуру мой с портфелем.

К потолку уплывают колени.
И нирвана дымит куренья,
Словно профили параллельные
Маркса-Энгельса-Сталина-Ленина.

Жизнь бежит за стеной молельни.
Параллельны мы, параллельны.
Поправели вы? полевели вы?
Параллельны мы, параллельные.

Параллельные окна завешены.
Параллельные женщины.
Параллельны мы, параллельные.
Нас поймут через поколение.

Над трамплином в небо смертельное,
как двуперстие на дороге,
взвиты лыжины II,
словно путь Николая II.

Что ищу на горе Поклонной,
в нимбах, демонах, снах неузнанных?..
Я ищу пропашую школьницу
в наушничках.

С рюкзачком она, как бойскаут.
Ее демоны не отпускают.
Ты во всем меня понимаешь,
как в наушниках Микки-Маус.
Как в нас демоны заревели,
когда встретились параллели!

Как зовут тебя в мире странном?
Ты не слышишь. Ты не ответишь.
Лишь мерцает сквозь суперветошь
имя вышитое: «Нирвана».

Называемая Нирваною,
моя школьница параллельная,
как минер, углубясь в мембраны,
ты смеешься:
«Нет мин. Проверено».
То, что раньше считалось — рано,
стало майками от Версаче.
Вранье взрослых переворачиваем
в палиндром — А НАВРИ, НИРВАНА.

Собираемся на Поклонной,
люди роликов, после школ.
Катитесь, Наполеоны,
на колесиках своих шпор!

Не на Лысой горе — на Поклонной,
не задев отставных полковников,
мы не варвары, мы не эллины,
мы парим, нирванопоклонники,
параллельное поколение!..»

Между пьяниц с глазами кроликов,
как прабабка твоя меж пьяными,
ты скользишь, королева роликов,
именуемая Нирваною!

Ах Нирвана, свобода зверская,
с синячками от банды сверстников.
Параллельны мы, параллельные...
Вас поймут через поколение.

* * *

Никто меня не провожал.
Но я не терзался обидой.
Плыл провинциальный вокзал,
пропахший мочой и оббитый.

Никто меня не провожал.
Лишь пес провожал меня лаем.
За то, что его привязал
хозяин, похмельем терзаем.

Я шел, напевая мотив.
Меня ты не провожаешь.
И имя мое прикусив,
ты мужа сейчас ублажаешь.

Мой тайный приезд и отъезд
прослеживается звездюю.
Пока ей не надоест
мое пребыванье земное.

P. S.

**Правы вы. Но тем не менее
мне, а не кому-нибудь
Бог посылает вдохновенье.
Значит, праведен мой путь.**

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ МАГДАЛИНЫ

Ты меня оставил безработною.
Ты меня оставил.
Ночи безработные, ноги безработные,
тело безработное.

Имя мое бардами заболтано.
Ты меня ославил.
Мне Писаний всех, с Тобой не сходных,
ближе Павел.

«Труд,— учили нас,— любой почетен».
Ты сказал мне: «Грех».
Я Тебе дала пощечин.
И заплакала при всех.

Понимала Тебя — плакала,
не умела записать.
Наизусть шептала Павла —
не умела прочитать.

Шли солдаты, лапав, лапавлапав.
Павла помнила глаза.

Савла, Савла, Савла из сатрапов
помнила власа.

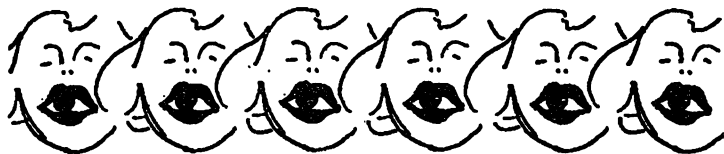
Под горой Иерусалима
плачущий застыл,
как объятье Магдалины,
белый монастырь.

Мою душу с неба тянет
до земной черты,
где Тебя обмыла тайно.
Вижу все —

как Ты,

балансируя меж скопищ
непонятных сил,
тихо, как канатоходец,
в небо уходил.

Берегите заик!

БЕРЕГИТЕ ЗАИК!

ЗАЛОГ ПОЭМЫ

— Отпустите тормоза!

— Я за

(за-а-а-пойный, но за-арекаюсь)

Я знамя Заратустры

(за икс свободы!! за иго счастья!

за Икшей хаус...)

Я заикаюсь.

— Всех в икарус!

— Среди задержанных есть поц со знаменем.

— Задержка подсознания.

I

Берегите заик! В них восторг заикания.
В них Господь говорит в прозаический миг.
Они — праязыческие могикане.
Берегите заик!

Берегите заик. На пластинке заигранной
есть щербинка, заминка... В бензинный час пик
я пол жизни отдам за лошадное: «И-и гого!»
Берегите заик.

Помню Вас в пиджачке из бумаги оберточной.
Гениальный заика Вы стали, когда
так Вы самоубийственно, Николай Робертович,
заикнулись о времени в пьесе «Мандат».

II

Урны заикаются: за! за!
Битлы заикаются: е-е!
Лебедь заикается: еб! еб! еб!
Зайцев заикается в ателье.
Музыка мучается: му-му.
Банки заикнулись: нули, нули.
Россия демократию симули...
Иконы заикаются на Христе.
XX век заклинился на букве х...
Месячные задерживаются за январь.
Ура задерживается в руднике.
Мы подзадержались по дорожке в Ра
Ра содержится в языке.

Тампакс заикается: там, там.
Пушкин в майском жужжит жу
Где же ваши души, Оте и Ма ?
Ду находится в языке.

Хаос мне выдавливают глаза.
Я за

IV

Толстой заикается: е б ж.
Лифт задерживается на этаже.
Дали заикается: Гала, Гала!
ТВ заикается: клинекс, клинекс
Попарт заикается: Жаклин, Жаклин, Жаклин!
Монику заклинило: полный рот забот.
Вода из раковины не идет.

Успокойтесь, Моника.
Выпейте лимонника!

Нью-Йорк закупает консервы, консервы.
Вор заикаются: кар, кар.
Кот заикается на трубе.
ТВ заикается: кариос, кариос.
Я заикаюсь на Тебе.

На выставке Тышлера я задерживаюсь в первом
зале, где «Ты».

Цветы. Тычинки.
Ты — единственная из тыщ.

Лани учатся латыни,
лишь ты в клинику вошла.
Без тебя душа остыла,
и похожа на осла.

Без булки проживем,
но — без бутылки...
Вместо лермонтовской бурки
нам Бутырки.

Когда Ты уехала, Тында сказала: «нда...»

Шагал заикается: коза, коза.
Я за

V

Пусть вы средний художник — хоть платок ваш,
как фи́га —
на зиме нарисуйте последний лист.
Сохраните заику, потому что заика —
последний индивидуалист.

Не в Сбербанке хранит свои яйца страус —
вся пустыня — тайник.
Я, читая стихи, иногда заикаюсь,
когда Бог посещает их.

Заики — сегодняшние поэты.
Не лечите заик. Им доступно одним
сказать о нашествии блендомеда:
«Блин!»

VI

Инженер Заикин
не рожден великим.

Он сказал: «за Роди...— но война закончилась —
...и ну!»
(начали новую войну).

Поднял тост: «за Ста...— но не стало кормчего.
Он мечтал о пончо, но стоял за пончиками.
Он сказал: «япо...», но не нашли Япончика.

Он не за импичмент.
Сноб, но не тряпичник.
Очень мазаичен
инженер Заикин.

В уикенд оттягивался.
Что для всех уикенд,
на квартал растягивал
для себя Заикин.
Взял билет на Зыкину — попал на «Титаника».
Говорят Заикину: «Ваше место занято».

Был в любви он сдержанный. Умирали женщины.
Начинал при Брежневe, а кончал при Ельцине.

Бабушка Заикина, она же его внучка,
была киноактрисой. Жил сладко, как тянучка.

Умер после дринка. Полетел он на небо.
Говорят Заикину: «Ваше место занято».

В ад спустился, хныкая.

«Бронь для членов саммита,—
говорят Заикину,— Ваше место занято».

Возвратился заново к нам он, горемыкам.
В нас живет он, Аника — инженер Заикин.

VII

Россия начинается с языка,
чинариком, песенкой под з/к.
Что шло кофейнею игровой —
ударит феней по Старовой...
Для исследования наших бед
нужен не следователь, а логопед.

Шоссе Эклезиастов. На углу.
В блуджинсах ждет глазастый д-р Блу.
Он слышит внутренние голоса
в биокомпьютере. Колосса...

Ломоно Наполео Велик Ека
живут в содержании языка.

Застопорился Севастополь: стоп, стоп, 'стоп...

Зубная паста в ТВ никак
не выговорит: «Пастернак».

И сперма, несущаяся в водопровод,
«Лермонтов» не произнесет.

Картуз летает на козырьке.
Россия — на языке.

Тусовка заикается: туза! туза!
Я за
горизонт, как в Атлантике на доске,
летаю на языке.

Берегите заик!

VIII

ПРОЛОГ

Сон Заикина:

я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-зык

удлиня-я-я-я-я-я-сь, как тещин, ползет через

Я-я-я-киманку

и уже Твоего подъезда достиг.

Вдруг — Уазик!

Вжик!..

Оппонентом у Блу был доктор Ублю.

Я его не люблю. Но рука резка -

удаляет он «я» из языка.

Был Маяковский —

стал Маковский.

Был боярин —

стал Борин.

Свою роль

забыл рояль.

Чтобы Ты, бля, не грустила
почитай бл. Августина.

Маята
без мата.

Не ел Блок
евиных яблоч.

СМИ — не смена
тебе, Несмеяна.

Боксер рассказывал, сняв напряг:
«я его — ху к, хук, хук...
а он меня — ху к, хук, хук...»

Не теряйте свое «я».
Утеряли —
Вас утерли.

Бредовые ваятели
ушли в преподаватели.

— Как жизнь, Божий раб заяц?
— Полный абзац.

Президент Стоянов
сказал без стонув:
*«Идиотов бы поубрать вдвойне
и в твоей стране и в моей стране...»*
— У, братья...
Проза просит у метро.

IX

Пока волки каялись — съели зайца.
Апокалипсис — просто компьютерный сдвиг.
Расквитавшись за все, в двух нулях заикается
Иго умных заик.

Не желает в будущее компьютер:
«Компью, компьютер, компьютер...»
Возвращает нас всех беспощадно, как Лютер,
к пещере или копыю.

Но мне все не икается — как ни пью.

XI

Заикин заговорил.

Обнаружили англичане.
Как будто вулкан Курил,
Великий Молчун печали
Заикин заговорил.

Язык его — гоп со смыком
помножен на дыл-бул-щир.
Фурыкает наш Заикин.
Заикин заговорил.

Что тысячи лет молчало —
заяц, тоска, арыки —
мычало, правду мочалило,
читало стихи Мочадо,
орало через Заикина.

Заикин вошел в компьютер.
Во лбу его глаз горит.
Мы без него бы скопутились!
Пусть поговорит.

Мы были страной молчальников.
Теперь вопит что есть сил
страна выкипающих чайников.
Заикин заговорил.
Полгорода обварил.

В речах его воскресали,
как в кипятке цветы,
убитые им красавицы,
и тысячи раз — Ты.

Слова посылал голубятник
по имени Гавриил.
Певцы безголосо клубятся,
умолк капитан Лебядкин.
Заикин заговорил.

В словах неслись без пижамы
от гения, до юнца.
Женщины любят ушами —
не предохраняются.

Живая вода — из крана.
Повесился некрофил.
На всех телеэкранах
Заикин заговорил.

Звезда говорит со звездой.
История — спор светил.
Вернувшийся в Асторию
Есенин заговорил.

* * *

А мы, мой резвый читатель,
пока он заговорил,
расслабимся. Помечтайте!
Я фрезии вам купил.

Лети без меня, икарус,
жги тормоза!

— Док, мы обустроим хаос?
— ДОКТОР: я за

ХII

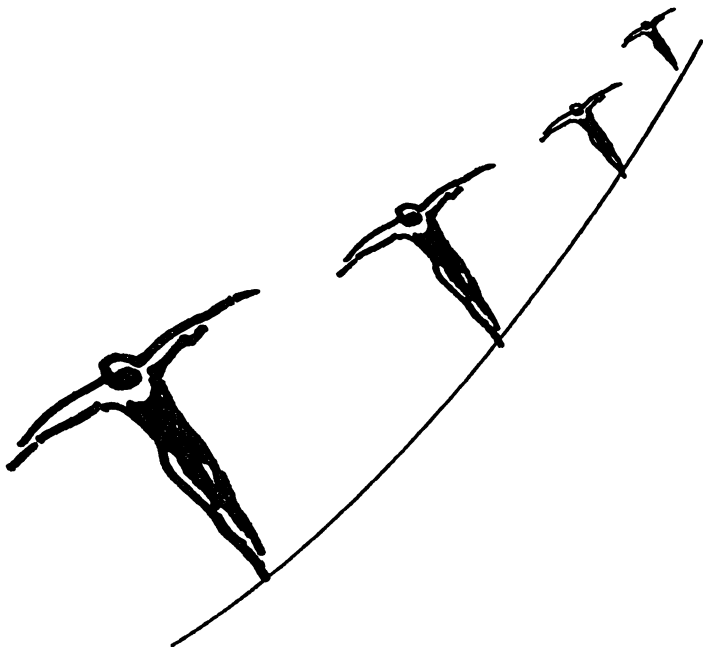
Каждый сотый в нашей стране — заика.
Наш невнятен язык.

Заикающаяся зарница
мигает, как Божий миг.

Кто вас там заказал, сероглазый Мюнхаузен,
тихий книжник, считавший, что он Беня Крик?
Я читаю стихи, я за вас заикаюсь.
Я молюсь за заик.

Берегите заик!

**ПОСЛЕДНИЕ
СЕМЬ СЛОВ ХРИСТА**

ВСТУПЛЕНИЕ

Нам предзакатный ад загадан.
Мат оскверняет нам уста.
Повторим тайно, вслед за Гайдном,
последние семь слов Христа.

Пасхальное вино разлейте!
Нас посещают неспроста
перед кончиною столетья
прощальные семь нот Христа.

Не «Seven up» нас воскресили.
В нас инвестирует, искрясь,
распятая моя Россия
the seven last words of Christ.

Пройдут года. Мой ум затмится.
Спадет харизма воровства.
Темницы распахнет Седмица —
последние семь снов Христа.

**Он больше не сказал ни звука.
Его посредник — Красота.
Душа по имени Разлука —
последнее из слов Христа.**

I

Мои Палестины дымятся дыбом.
Абсурдный кругом театр.
Боже, прости им, ибо
не ведают, что творят.

Будущий схимник, слезясь от гриппа,
изобрел водородный заряд.
Отче, прости им, ибо
не ведают, что творят.

На общей простынке в трехспальном клипе
стало тесно троим.
Боже, прости нам, ибо
не ведаем, что творим.

Джентльмены фригидны.
После «Смирновской»
дамам невмоготу.
Father, forgive them, for they know
not what they do.

Тусовок люблю разодетый вздор,
как полюбил христиан Диор.
Наш творческий поиск неутомим,
ибо не ведаем, что творим.

Медведь воспитывает Пустынника.
Клонировать дьяволят.
Пробирку медик нес на крестины.
Медведают, что творят.

А в сердце бои между Духом и био —
не сладишь с сердцем своим,
ибо ибоибоибоибоибо
не ведаем, что творим.

В нынешнем августе крестообразно
встанут планеты в ряд.
Простишь, когда сами рабы соблазна
Апокалипсис сотворят?

Идет простывшая Магдалина,
нимфетка, сквозь снегопад.
Нет окаянного кокаина!
Не ведают, что творят.

Постыдные толпы вопят до хрипа,
но снова не Тот распят.
Боже, прости им, ибо
не ведают, что творят.

И телевизор, как вещая рыба,
транслирует все подряд.

II

Нанижи жемчуга из Китежа,
сны нижи на печаль свою.
Говорю тебе истинно, ныне же
будешь со Мной в раю.

И не после земного финиша
после Судного интервью,—
обещаю: при жизни, ныне же
будешь со мной в раю.

Нету рая, кроме любви.
Завтра друг мой меня продаст.
This day shalt thou be
with me in Paradise.

Мы с тобой не в телепрограмме,
чтобы всем про оргазм орать.
Мы уже за райской оградой.
Души сбросили маскарад.

В католических трубках органа,
на затылке темного зала,

гарнитурой простого ограна
мне твой гребень блеснет опять.

Будто жребий мне предсказала.
Будто сплю я. И сон мой странный.
Будто сплющенные перстами,
будут смятые трубки органа
папиросы напоминать.

Мы родные с тобой отныне.
Данте с эросом пародиста
комментирует по латыни:
mesum eris in Paradiso.

Вздогнут раны мои занывшие.
Будем с Богом наедине.
Ныне же, ныне же, ныне же
жены лучше не надо мне.

МОЛИТВА МАРИИ

За тебя я боялась во сне
и в толпе, где тебя оборжали.
Ты — мой Дух. Я тебя обожаю.
Обожаю, когда Ты во мне.

В нашей Богом забытой стране
Ты — единственный нравственный
кодекс.
Я люблю, когда Ты в меняходишь.
Обожаю, когда Ты во мне.

Я Тебя затаю. Никому
не отдам. Я Тебя обожаю.
Никому — никакому Бежару,
никакому Камю.

Даже ежели Ты на Луне,
в суматохе, на абордаже,
Ты со мной. Я Тебя обожаю.
Обожаю, когда Ты во мне.

**Мой товарищ по жизни в огне.
Ощуцаю меж наших пожарищ —
Боже мой! — ты меня обожаешь.
Обожаешь, когда ты во мне.**

III

Жено!

**Истинно говорю — се, сын Твой!
Ученик! Се, Мать твою!
Женоненавистники пахнут псиной,
прах в семантике раствора.**

**Ученица моя, Магдалина,
мандарины дари с куста.
Смерть моя нас не отдалила.
Звон малиновый пьют уста.**

**Словно грешница, ноги осине
я в слезах смываю сам.
Мать Божия, утешь Сына!
Mother, behold thy son.**

**И бессмертной сфинкса рябого,
тишиной слова заглуша,
безутешно творит работу
вечно женственная душа.**

* * *

Что натворила ты непоправимо!
В палате пахнет яблоко — апорт.
Но никому не скажешь, Магдалина,
что ты от Бога сделала аборт.

* * *

Вновь как мадонна Возрождения,
прощеным светом даришь ты.
Все обошлось без зараженья.
Но только вместо дня рожденья
стоят прощальные цветы.

* * *

Если любила, что ж ты, Магдалина,
убила неповинного мальчика?!
Он бы назвал Отцом Господня сына
и Богом-дедом звал Его Отца.

IV

**Господи, Боже мой, Отче!
Для чего Ты меня оставил?
Погляди на земные корчи
очной ставкою из астрала.**

**Отче! Дух мой меня оставил.
Не достать луны кочергой.
Нож на Каина поднял Авель.
Отче, Господи, отчего?**

**Отчего мы под фарисеями?
Луна клеит скотч на чело.
My God, why has Thou forsaken me?
Для чего?**

**Длятся годы мои вне правил.
Новый век объявил «очко».
Для чего ты Россию оставил?
Чтоб спасти людей? Для чего?**

Над отчизной хохочет дьявол.
Реет пепл родных очагов.
Для чего Ты меня оставил?
Отче, Господи, отчего?

V

Жажду.

Пить! Ненасытно.
Волгу выпил бы дважды.

Citio!

Жажду.

Нутро мое оросите!

Москва горит, Нью-Йорк — сити,
трещат, как кассеты-видео...

Citio.

Все на продажу!

Жаждет клеточкой каждой,
жаждет, сжатый, как дайджест,
внутри пересохший торс.

I thirst.

Снежку бы... грязного даже...
с обочины лавки Сытина...

Боже, спаси Россию!

Citio.

Жажду любви, хоть росиночку...

Мы кончили с жизнью тяжбу.
Как женщина, жизнь ушла.
Винною губкой страждущие
освежите мои уста!

Пожарища. Душно. Тяжко.
Страдания остужа,
рождается — жажду, жажду,
жажду, жажду! —
ДУША.

VI

К духовным вершинам
Ты душу вынешь
из казематных мест.
Свершилось!
It's finished!
Consumatum est!

Кончено, Отче.
Корчатся мощи.
Страдания — Божий тест.
Мне тело, как силос.
Мне жизнь как приснилась.
Прощаясь, целую крест.

It's finished.
Свершилось.
Consumatum est.

Малиновый звон окрест.

VII

Окончены муки. В очи
светится путь домой.
**Я в Твои руки, Отче,
передаю дух Мой.**

Сложишь ладони домиком —
ныне же мы в раю.
Вырвавшись от подонков,
дух Мой передаю.

Что ж я страшусь разлуки
с жизнью? Пропел петух.
Боже, я в Твои руки
передаю Мой дух.

Хватит играть комедь.
Сад мой вишневый спилят.
Into Thy hands, I commend
my spirit.

Гаснет все, что имеем.
Манитаризм лукав.

**In manus commendo spiritum meum.
Дух Мой в Твоих руках.**

**Века без возлюбленной женщины
мне пребывать в бессонице.
Одна без меня во Всенощной
к колонне она прислонится.**

**Над брошенными погостами
останется мыслить камень.
К Тебе возвращаюсь, Господи.**

Амен.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Землетрясение.
Семь летросетов.
Распад России. Псы пахнут серой.
Семей крушенье. Тоска в семь серий.
Семь семафоров жизни смертельной.
Сергей-есенинские уста...

Се, Революция сейчас — в смирении.
Ева, вкусившая семиренку,
опять чиста.

Над недоразвитыми детьми
смилуйся, государыня СМИ!
У Мироносицы — усы Хусейна.
Будя дремоту, под новый век
ерусалимский пел кукарек.

Il terremoto? The Earthquake?

Армения и Македония.
Кресты. Серпы. И магендовины.

Я чую в наших закидонах
аромат Армагедона.

Смятенье духа. Духотрясенье.

Над маросейками, как наседка,
замрет трассирующая звезда,
над куполами, вместо бассейна,
над планетария зрачком базедовым
вздохнет внимательная слюда.

Мой семидневник, мой собеседник...
Прочту с листа:
«Не в супербоингах спасетесь семьями.
Смысл в сердоболии,
в любви — спасение».
А математика любви проста.

Семь отрешений,
семь милосердий.

Се, Мать Божия!..
Читаю сердцем.

Это последние семь слов Христа.

CE

Семь се
 се

Се
Семь сем
Се - се

се
семь се
сме

Се, се см
 сем

см

СМ
се

Се

См

се

се

се

се

сем

се

См

се

се

семь

се

Семь

семь

се

Се, Матерь Божия!..

се

се

Это последние семь слов Христа.

ПРОЩАНИЕ С РИХТЕРОМ

пикассо
камю
шагал
шостакович
иванов
андронников
ливанов
журавлев
ахматова
асмус
пастернак
нейгауз
ефремов
дорлиак

Р
и
х
т
е
р

антонова
ашкенази
архипова
башмет
васильев
гутман
долуханова
журавлева
крайнев
писаренко
ростропович
темирканов
шостакович

СОДЕРЖАНИЕ

МИЛОСЕРДИЯ! <i>Цикл стихов</i>	5
ЧАТ. <i>Поэма</i>	71
ЧАТ МОЛЧАНИЯ. <i>Поэма</i>	109
РАСТИТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ СТОЛЕТИЯ	121
ВРЕМЯ ПОШЛО! <i>Цикл стихов</i>	141
ДЕВОЧКА С ПИРСИНГОМ. <i>Поэма</i>	203
ЗАЛОЖНИК НАДЕЖДЫ	229
ПРЕДЧУВСТВИЕ. <i>Цикл Стихов</i>	235
БЕРЕГИТЕ ЗАИК! <i>Поэма</i>	287
ПОСЛЕДНИЕ СЕМЬ СЛОВ ХРИСТА. <i>Поэма</i>	311

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ
www. ДЕВОЧКА С ПИРСИНГОМ. ru

Редактор *Л. Иванова*
Художественный редактор *Ф. Барбышев*
Технический редактор *С. Сизова*
Компьютерная верстка *И. Понятых*

ЛР № 071669 от 26.05.98 г.
Подписано в печать 12.10.00 г. Формат 70x108 1/32.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,7. Уч.- изд. л. 9,33. Зак. 3136.

Издательство «ТЕРРА».
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.
Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-273-00163-3

9 785273 001633

ISBN 5-273-00163-3

9 785273 001633